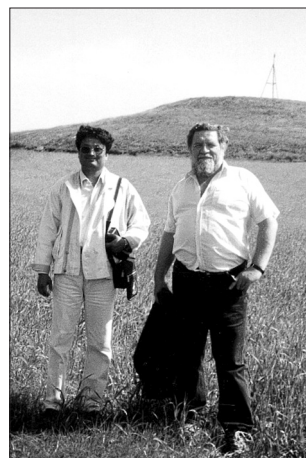

Ю.А. Шилов

**КУРГАННЫЕ
ДРЕВНОСТИ
ОКРЕСТНОСТЕЙ
КОМСОМОЛЬСКА**

ШИЛОВ Ю.А.
КУРГАННЫЕ
ДРЕВНОСТИ
ОКРЕСТНОСТЕЙ
КОМСОМОЛЬСКА

КИЕВ–КОМСОМОЛЬСК
«АРАТТА»
2007

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ШИЛОВ Ю.А.

КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ОКРЕСТНОСТЕЙ КОМСОМОЛЬСКА

КИЕВ–КОМСОМОЛЬСК

«АРТТА»

2007

ШИЛОВ Ю.О. Курганні старожитності околиць Комсомольська: Наукове видання.
— Київ—Комсомольськ: «Аратта», 2007. — 72 с., іл.
ISBN 966-7865-88-6

Аналізуються матеріали восьми курганів IV-II тис. до н. з. (епох енеоліту та бронзи), розкопаних у 1992-1993 рр. археологічною експедицією «ПГЗК» (Полтавський гірничо-збагачувальний комбінат) Лабораторії охороних археологічних досліджень при Міністерстві культури України та Інституту археології Національної Академії наук України. Кургани знаходилися в зоні рудоздобуваючого кар'єру біля м. Комсомольськ Кременчуцького р-ну Полтавської області. Тут — поблизу Келебердянської переправи й верхів'я Дніпровських Порогів, сполученого з надзвичайно потужною геомагнітною аномалією та пограниччям степової й лісостепової Наддніпрянщини — було відкрито зародження курганного обряду, пов'язане із початком формування арійських Вед.

Книгу адресовано археологам, краєзнавцям, історикам, а також студентам вузів відповідної спеціалізації.

ШИЛОВ Ю.А. Курганные древности окрестностей Комсомольска: Научное издание.
— Киев—Комсомольск: «Аратта», 2007. — 72 с., илл.

Описываются и анализируются материалы восьми курганов V-II тис. до н. з. (эпох энеолита и бронзы), раскопанных в 1992-1993 гг. археологической экспедицией «ПГОК» (Полтавский горно-обогатительный комбинат) Лаборатории охранных археологических исследований при Министерстве культуры Украины и Института археологии Национальной Академии наук Украины. Курганы находились в зоне рудодобывающего карьера у г. Комсомольск Кременчугского р-на Полтавской области. Здесь — вблизи Келебердянской переправы и верховья Днепровских Порогов, сочетающегося с чрезвычайно мощной геомагнитной аномалией и пограничьем степного и лесостепного Поднепровья — было открыто зарождение курганного обряда, связанное с началом формирования арийских Вед.

Книга адресована археологам, краеведам, историкам, а также студентам вузов соответствующей специализации.

Фото на авантитуле: д-р А. Алок, директор Института охраны национальных памятников Индии, и Ю. Шилов у кургана Стовбувата Могила, май 2000 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1992-1993 гг. экспедицией «ПГОК» (Полтавский горно-обогатительный комбинат, в зоне карьера которого производились раскопки) Лаборатории охранных археологических исследований Министерства культуры Украины у г. Комсомольск Кременчугского р-на Полтавской области исследовано 8 курганов (рис. 1, 2, 2б) V-II тыс. до н. э. Все они были исследованы (описаны и зачерчены) Ю. А. Шиловым – руководителем экспедиции и ст. научным сотрудником Института археологии Национальной Академии наук Украины. В раскопках участвовал Шкляр П. В. (зам. нач. экспедиции) и местные краеведы – Стахив Н. П. (ныне заведующий музеем истории ПГОК), Еремеев С. А. и др., благодаря настойчивым обращениям которых в ИА АН УССР (до 1992 г.), а затем в Министерство культуры Украины и были организованы исследования погибших памятников.

До этого археологические находки в исследуемом районе были преимущественно случайны, собраны коллекционерами или же во время разведок [1, с. 14; 3; 4, с. 12-119]. Тем не менее, находки свидетельствуют о непрерывной заселенности края от эпохи верхнего палеолита до казачьих времён и современности. Между Кременчугом и Комсомольском – однако на противоположном от последнего, правом берегу Днепра (через который у здешнего же с. Келеберда имелась удобная переправа), – у сёл Раковка и Деревка находятся поселения, богатый керамический комплекс которых показывает переход от неолитической днепро-днепской к энеолитическим среднестоговской и ямной культурам эпохи энеолита; для Раковского поселения (разрушенного, но, вероятно, многослойного) не исключается гентическая связь и с последующими культурами «эпохи ранней, средней и поздней бронзы» [4, с. 47-64]. Известны также отдельные погребения (даже в каменных гробницах, из курганов у Крюкова и Пришиба [4, с. 18, 21]) указанных периодов, обнаруженные в грунтовых могильниках или не так давно скрытых курганах.

Что же касается многочисленных курганов, то наиболее исследованными – до наших раскопок – оказались два, у сёл Бондари и Кириленки. Первый из них стоял над р. Рудька, левобережным притоком Псла. Под уцелевшей половиной насыпи, высотой 4 и диаметром около 40 м, погребения отсутствовали. А под уничтоженной современными строителями половиной найдено два, которые

Л. Н. Луговая (автор раскопок, руководитель археологической экспедиции Полтавского краеведческого музея 1987 г.) определила как относящиеся «к группе вытянутых погребений эпохи энеолита» и «к позднему этапу ямной культуры» [2, с. 23-26, 29]. В кургане у с. Кириленки (раскопки АЭ–1989 г. Полтавского краеведческого музея под руководством И. С. Мельниковой) оказалась полностью уничтоженной юго-западная половина. А под оставшейся частью насыпи выявлено «четыре погребения эпохи бронзы: ямного (№№ 2, 3), катакомбного (№ 4) и срубного (№ 1) времени» [3, с. 72-73; 4, с. 28]. Исследователи отмечают встречаемость в разрушенных насыпях и более поздней керамики, а также характерность расположения на курганах современных кладбищ.

Среди курганов, исследованных нами в 1992-1993 гг., наибольший интерес представляют *Цегельня* у с. Пидлужжя (Солонцы [8, с. 4, 76]) и *Кормилица* в окрестностях сс. Еристовка и Лавриновка. Первый из них, располагаясь за южной околицей села, к началу раскопок оказался полусрыт дорожестроителями. Впрочем, разрушение было начато ещё в конце XIX в. – когда местный промышленник поставил рядом с курганом *кирпичный завод* (по-украински «*цегельню*») в надежде постепенно срыть – якобы в производственных нуждах – насыпь этого наибольшего в округе кургана и, таким образом, добраться до его предполагаемых сокровищ. Тогда эта затея была пресечена губернскими властями; теперь остатки Цегельни спасли поименованные выше краеведы, достучавшиеся до Министерства культуры Украины... Что же касается расположенной в 3,5 км к ЮВ *Кормилицы* (по названию близлежащего дореволюционного хутора и болота) и окрестных курганов, то они оказались у края наступающего карьера ПГОК (дирекция которого находится в г. Комсомольске) – разрушившего уже, в обход законодательства об охране памятников археологии, не один десяток курганов.

Цегельня, Кормилица (а также группа Стовбуватой Могилы, раскопанная в 2003-2005 гг. экспедицией под руководством А. Б. Супруненко и И. Н. Кулатовой) и др. располагались в степной зоне Поднепровья, сменяющейся в этом районе Полтавщины лесостепью. Сходными оказались 8-образные очертания этих насыпей (включая Стовбувату Могилу и прилегающий курган №5), наибольших в своих курганных группах. Они занимали концы длинных, узких и довольно высоких надпойменных мысов-водосборов р. Сухой Кобелячек (левобережный приток р. Днепр). Небезинтересными оказались и меньшие курганы возле Кормилицы, а также (в 2,8 км к ЗЮЗ; III курганная группа) у околицы уничтоженного карьером с. Старая Червовка. Эти насыпи стояли в затопляемой пойме, занимая вершины невысоких дюн, в половодья становившихся низкими островками. Очевидно, что без включения такой

особенности в мифоритуал дело не обошлось; иначе бы курганы поставили на близлежащих высоких местах.

Остальные факты раскрылись в процессе исследования и при подведении его итогов. В заключение следует указать основные из предварительных публикаций материалов, полностью публикуемых в данной монографии:

Шилов Ю. А. Курган-святилище «Цегельня» // Археологічні дослідження на Україні в 1992 р. — К. : Наук. думка, 1993. — С. 142-144.

Шилов Ю. А. Арийские святилища и курганы из устья Псла // Полтавський археологічний збірник. — Полтава: Изд. ЦОДПА, 1995. — Ч. 3. — С. 22-29.

Шилов Ю. А. О начале формирования ноосферы: В свете трудов Вернадского и Рерихов // Стратегія ноосферної освіти. Імідж сучасного педагога. — Полтава: АСМІ, 2003. — Вип. 5-6. — С. 12-15.

Мироненко К. М., Шилов Ю. О. Золотоординські поховання на Кременчуччині // Археологічний літопис Лівобережної України. — Полтава: Археологія, 2003. — №2. — С. 105-109.

Литература

1. Бенько Н. П., Журавель В. Н., Квасница В. Д., Стахив Н. П. Полтавская магнитка. — Комсомольск: «ГОК-принт», АП «Днепропетровская книжная типография», 2000. — 144 с.

2. Лугова Л. М. Курганы эпохи ранней бронзы поблизу Кременчука // Археологічний літопис Лівобережної України. — Полтава: Археологія, 2003. — №2. — С. 23-29.

3. Лугвий Р. С., Ткаченко О. М. Археологічні знахідки з Кременчуччини у збірці Полтавського краєзнавчого музею // Археологічний літопис Лівобережної України. — Полтава: Археологія, 2003. — №2. — С. 72-80.

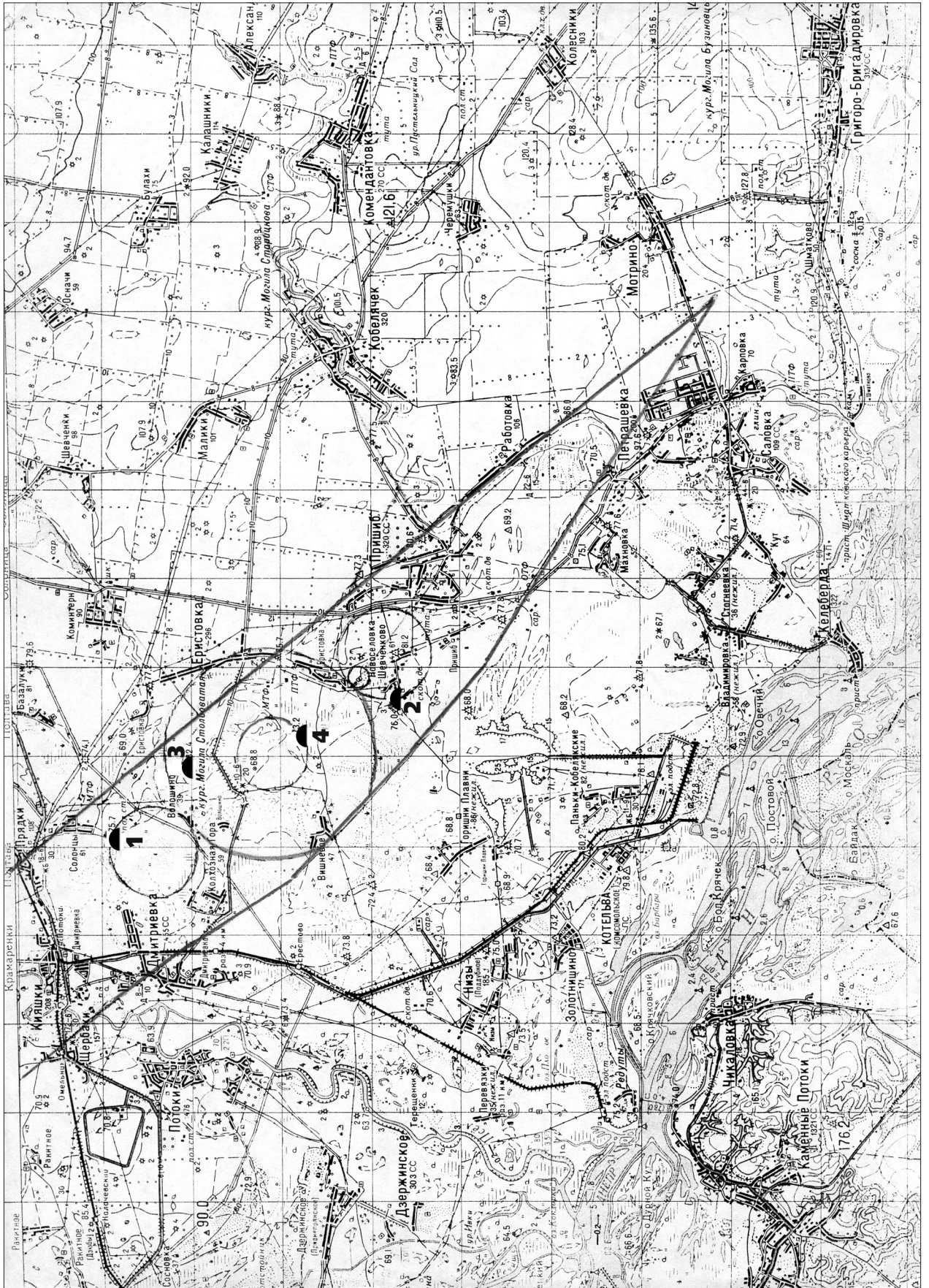
4. Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Мироненко К. М., Кракало І. В., Тітков О. В. Старожитності Кременчука: Археологічні пам'ятки території та округи міста. — Полтава—Кременчук: Археологія, ред. часопису «Автограф», 2004. — 160 с.

5. Білоусько О. А., Супруненко О. Б. Давня історія Полтавщини (XX тисячоліття до н. е. — V століття): Підручник для 6 кл. загальноосвіт. школи. — Полтава: Оріяна, 2004. — 168 с.

6. Білоусько О. А., Супруненко О. Б., Мироненко К. М. Середньовічна історія Полтавщини (V — I половина XVI століття): Підручник для 7 кл. загальноосвіт. школи. — Полтава: Оріяна, 2004. — 200 с.

7. Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Мироненко К. М., Артем'єв А. В., Маєвська С. В. Старожитності околиць Комсомольська. — Частина I. — Київ—Полтава: АСМІ, 2005. — 140 с.

8. Супруненко О. Б. Кургани між сс. Дуканичі та Солонці на Нижньому Пслі. / Старожитності околиць Комсомольська. — Частина IV. — Київ—Полтава: Гротеск, Археологія, 2006. — 128 с.

КУРГАНЫ у КОМСОМОЛЬСКА (раскопки 1992-1993 гг.)

Цегельня

Курган располагался в конце надпойменного мыса, у дороги и фермы, на ЮЗ околице с. Пидлужья (совр. Солонцы-Лиходеи) — открывая цепь из нескольких, полуразрушенных теперь уже, насыпей этого мыса (рис. 2). Вследствие длительных разрушений наблюдательной вышкой (казачьей «фигурой» XVII-XVIII веков), а также последовавшими за нею кладбищем, заводом, дорогой и проч., — от первоначальной насыпи Цегельни уцелела едва половина (рис. 3-4). К счастью, центр оказался нарушен лишь сверху, а 4 нижних строительных горизонта остались совершенно не потревоженными.

Курган был наибольшим в округе, радиусом, по крайней мере, в 20 км. Реконструируемые высоты двух вершин 8-образной насыпи 2x7 м, диаметры и общая протяженность по оси ЮЗ-СВ — 40x60x125 м. Сохранившиеся же параметры Цегельни: 6,65x1,2 м и 20x56x100 м.

Насыпь, как и все последующие, раскопана при помощи бульдозеров методом параллельных траншей. В них удалось зафиксировать лишь 2 профиля, однако на жёлтой материковой супеси отчетливо проступало черноземное заполнение рвов — что и позволило надёжно воспроизвести конструкции и мифоритуалы 3-х первых строительных горизонтов.

В кургане выявлено предшествовавшее ему бескурганное святилище древнейшей среднестоговской культуры, а под последовавшими затем первичной насыпью и пятью или более досыпками: 1 погребение постмариупольской (или днепро-донецкой), 2 — нижнемихайловской, 4 — ямной,

Рис. 2. План местонахождения кургана Цегельня (Ц) у с. Пидлужья (Солонцы).

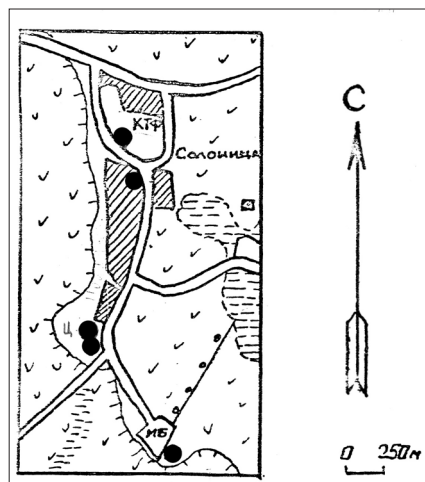

Рис. 1. Местоположение курганов у Комсомольска (до его основания на месте Котельвы и др.). На карте показаны также (видимые на аэрофотоснимках) клиновидный разлом и главные мантийные каналы со вписанными в них основными курганами: Цегельня (1), Кормилица (2), Стовбуватая Могила (3) и Могила (4) у с. Еристовка.

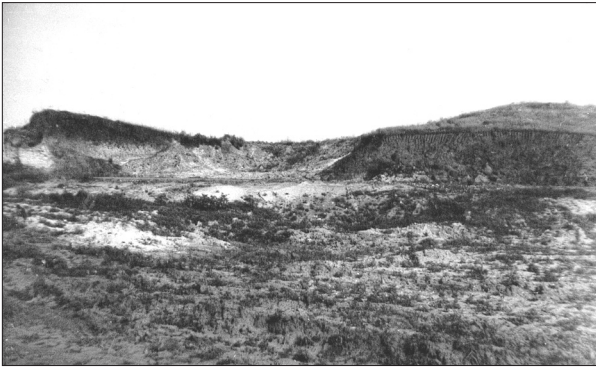

Рис. 3. Курган Цегельня перед началом археологических раскопок. Вид с востока.

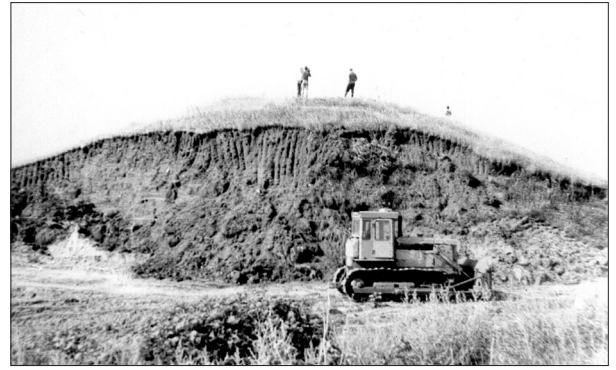

Рис. 4. Начало раскопок Цегельни. Вид с северо-востока.

1 – катакомбной, 5 – ингульской, 1 – культуры многоярусной керамики; святилище срубной культуры. Захоронение позднесредневекового кочевника и кладбище XVIII-XIX веков были впущены в сформировавшуюся насыпь. Другие захоронения и проч. уничтожены при её разрушениях (рис. 5).

При описании могил сохранена их раскопачная нумерация, приведенная в соответствии с последовательностью сооружения кургана.

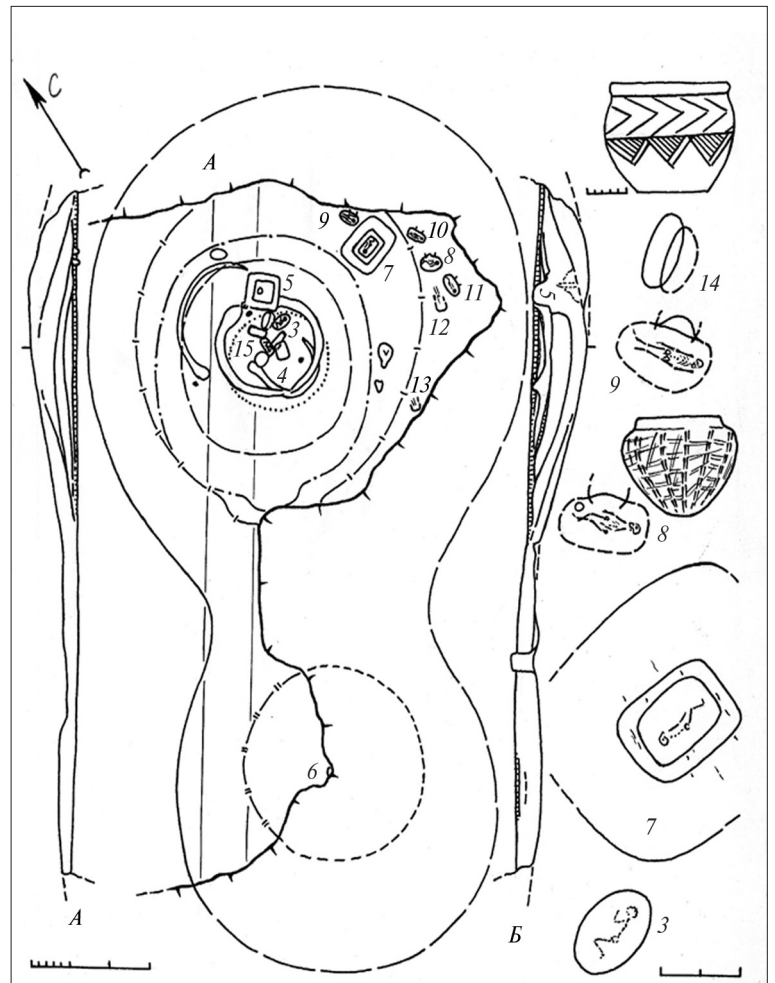

Рис. 5. План и разрезы кургана Цегельня, поздние погребения и сосуды.

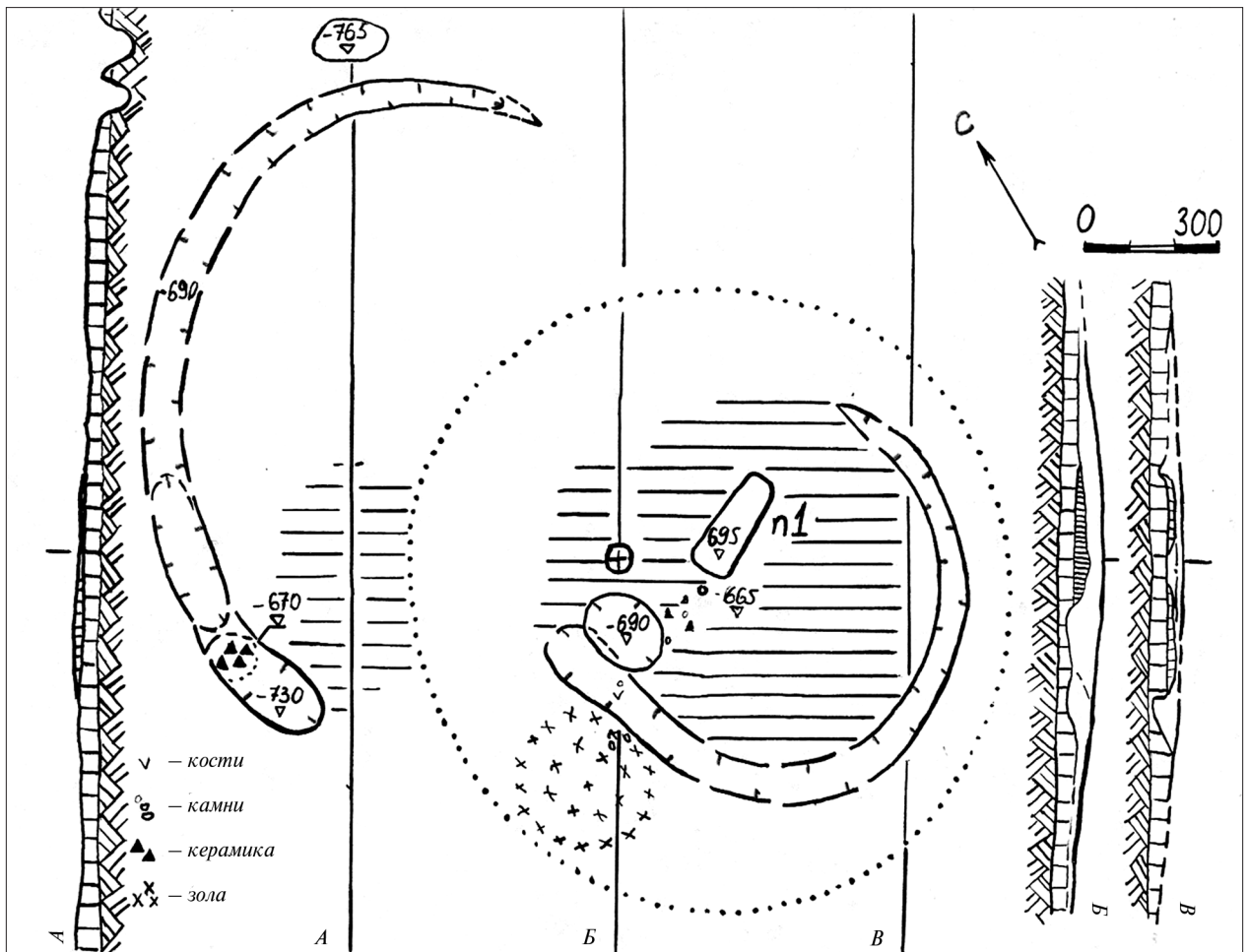

Рис. 6. План и разрезы святилища I и первичной насыпи на месте будущего кургана.

Святилище I (среднепестовское, при участии носителей днепро-донецкой культуры) располагалось в 7-10 м к СЗ от репера. В профиле А четко прослежено, что ров и яма, составляющие основу святилища, были впущены с поверхности *древнего горизонта* и непреднамеренно перекрыты впоследствии второй досыпкой первичной насыпи (рис. 5). Бескурганную сущность рассматриваемого святилища можно обозначить как *строительный горизонт-0*.

Изогнутый к западу ров имел округлый ЮЮВ и острый ВСВ концы; его длина по периметру – около 20 м, ширина и глубина – до 1,5х0,75 м. Овальная яма 1,7х0,95х1 м располагалась над (севернее) вторым из этих концов. Композиция в целом передаёт «змею с яйцом у хвоста» (рис. 6: А).

В заполнении головной части рва и в непосредственной близости на погребенной почве обнаружено скопление керамики, типичной для квинтянской и предшествующей ей фазы среднепестовской культуры [1, с. 61-66]. Удалось реконструировать (полностью 2 и 2 частично) четыре корчаги одинаковой формы: остродонных, с яйцевидным туловом и стянутой горловиной. Высота сосудов – около 55-60 см, высота (прямого вверх, но книзу расширенной) венчика

с шейкой 8-9 см; диаметры венчика, низа шейки, тулова – до 32-34х36-38х60 см; толщина стенок 0,6-0,9 см (рис. 61). В тесте всех сосудов имеются толченные раковины, но в разных количествах; различен и обжиг. Орнаменты, хотя и выполнены подобными мелкозубчатыми штампами, но типологически (очевидно, и хронологически: в пределах указанного рубежа I-b – II-a) **различны**.

1. Древнейшим можно считать наиболее орнаментированный сосуд, реконструированный сверху до начала тулова (рис. 7: 1; 61: 4). Поверхность его преимущественно серая, с бурыми пятнами, заглажена крупным зубчатым штампом; в тесте наибольшая примесь раковин. По верху шейки и плечиков – 2 орнаментальных пояса, шириною по 4,5 см. Каждый состоит из двух пар косога одинарного и парного зигзажного рядов (всего их 4+4).

2. Орнамент подобен предыдущему, но косых и зигзажных рядов лишь по два (всего 2+2), а зигзаги включают

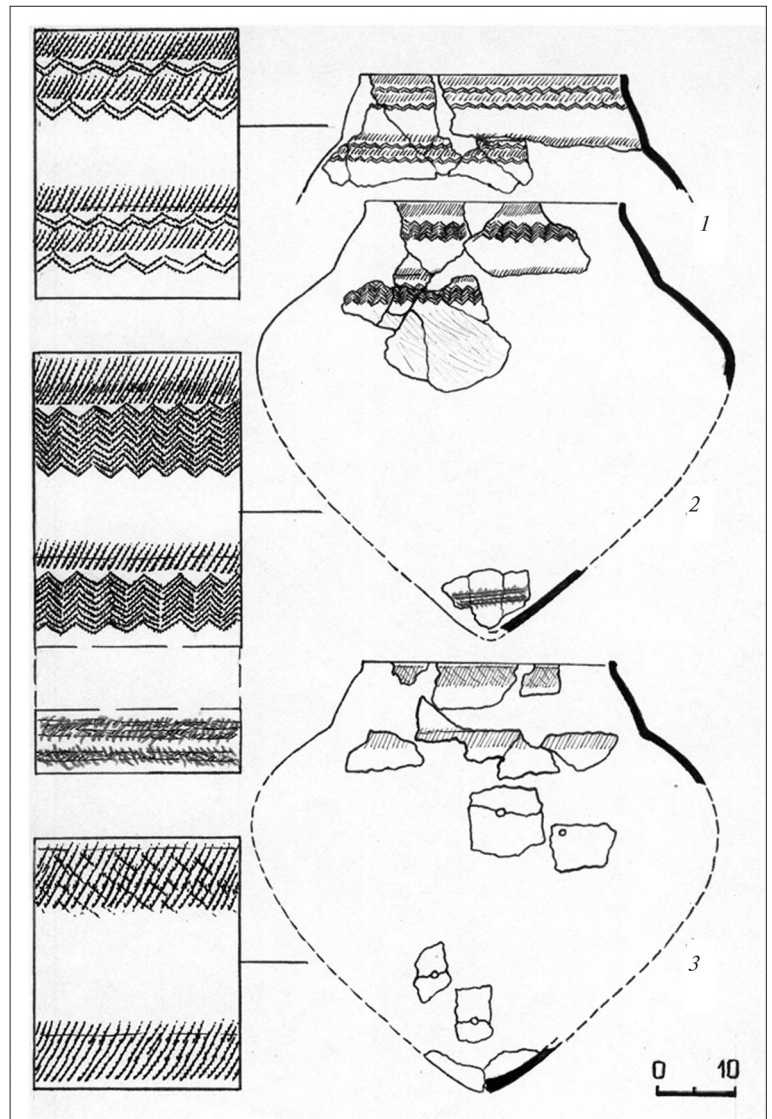

Рис. 7. Среднепестовские сосуды из святилища I.

по три пары. Вдоль острого дна – поясок из 4 концентрических кругов таких же мелкозубчатых оттисков (рис. 7: 2; 6I: 3). Раковин в тесте меньше и поверхность преимущественно бурая, расчесы менее регулярны.

3. Наименее сохранившийся сосуд. Поверхность оранжево-бурая, черепок пористый, со следами выгоревших раковин. По верху шейки – ряд косых оттисков, по низу плечиков – три таких ряда, образующих горизонтальную «ёлочку» (рис. 6I: 1).

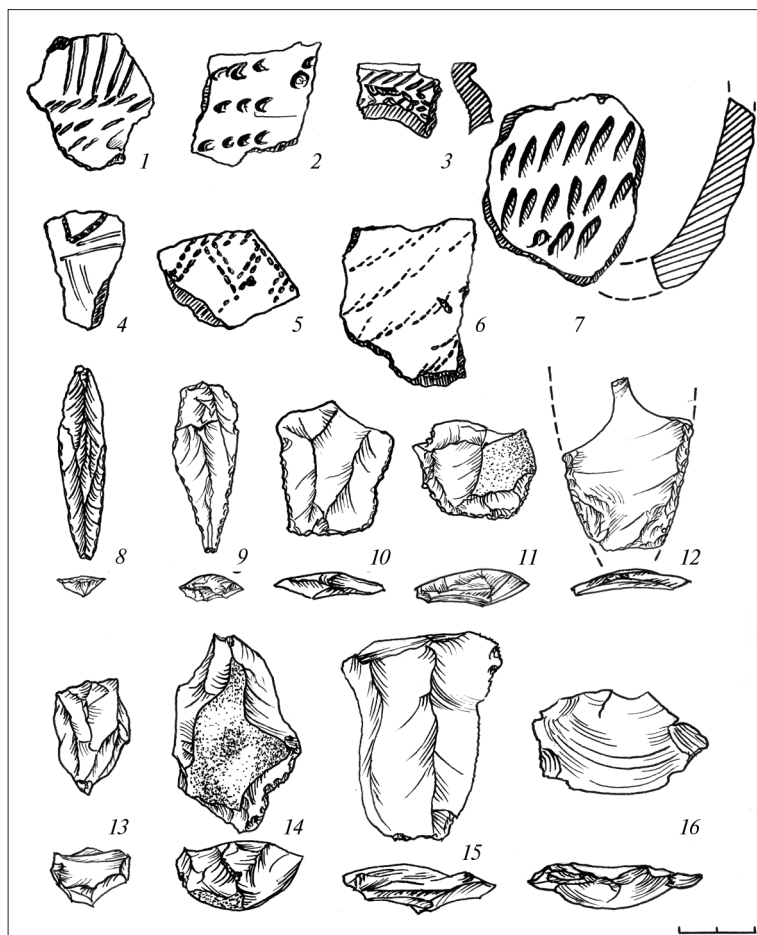
4. Раковин меньше, нежели в тесте двух первых сосудов; расчёсы наименее выражены; поверхность буро-оранжевая. Особенностью корчаги являются многочисленные отверстия, просверленные в тулове для её починки. Острое дно не орнаментировано. Орнамент наиболее упрощен: по верху и шейки, и плечиков – по косому ряду оттисков; верхний из них местами покрыт третьим, противоположно направленным рядом – и переходит в косую сетку (рис. 7: 3; 6I: 2).

Повторяющийся элемент орнаментальной композиции – 2 или же 3 орнаментальных пояса: под венчиком, шейкой, а также на дне. Последний пояс представлен лишь на втором сосуде – но можно полагать, что и неорнаментированные острые донца воспринимались как неотъемлемая часть композиции, символизирующая нижнюю часть мироздания: потусторонний мир. А два расположенные выше пояса символизировали миры земной и небесный. При этом полный их символ на I сосуде можно трактовать как 4 времени года, посылаемые Небом на Землю. Тогда на II сосуде эти времена упрощены до благоприятного и неблагоприятного (оседающего в потустороннем мире, на дне) полугодий, а на III и IV сосудах – до пожелания благоприятствия неба земле (сначала – с акцентированием земных благ, а в конце – милости неба).

Итак, в технологии и орнаментике заметна деградация керамики – отражающая, по-видимому, тенденцию к изменению культуры, к переходу её в следующий период своего развития. Некоторые из причин такого перехода раскрываются иными находками вокруг (преимущественно в радиусе 10 м восточнее головной части) рва. Здесь на погребенной почве и в материке (что можно объяснить деятельностью землеройных животных) собрано до 10 значительных обломков костей (определён зуб лошади) и около 60 фрагментов керамики, а также около 100 отщепов кремня; встречались и более-менее обработанные орудия. Находки не сопряжены с кострищами и перекопами, а потому их тоже следует относить к жертвоприношениям (но не к стоянке или поселению). Правда, нет оснований связывать их с мифоритуальным «кормлением змия», что представляется несомненным для вышерассмотренных корчаг. По-видимому, это остатки ритуальных пиршеств. Наиболее выразительны такие находки (рис. 8):

Рис. 8. Керамика (1-7) и кремь
из святилища I.

1-2. Фрагменты стенок лепных сосудов толщиной 0,5-0,8 см. Поверхности бурые, излом черный; примеси невыразительны, раковин в них не замечено. Орнаментированы линиями и отпечатками ногтя.

3. Фрагмент уплощенно-отогнутого венчика с воротничком (?) небольшого сосуда. Поверхности бурые. Орнамент в виде горизонтальной многорядной «ёлочки» выполнен мелкозубчатым штампом.

4-6. Таким же орнаментом украшены три фрагмента стенок сосудов, по фактуре подобных предыдущим. Заметна орнаментация в виде косых рядов, горизонтальных зигзагов и, возможно, треугольников (один из которых дополнен прочерками на фрагменте 4).

7. Фрагмент дна остродонного сосуда. На темно-серой внутренней поверхности — следы заглаживания зубчатым штампом; внешняя, светло-коричневая, орнаментирована сплошными рядами отпечатков ногтя взрослого человека. Размеры данного, наиболее крупного из всех фрагментов, — 5x4,5x1 см.

8-9. Остроконечники на пластинчатых, треугольных в поперечных сечениях отщепов серого пятнистого крем-

ня. Рабочие концы имеют одностороннюю нерегулярную ретушь. Размеры – 5x1,3x0,4 и 4,3x1,7x0,4 см.

10. Трапециевидный концебоковой скребок – 3,4x3,1x0,4 см, рабочие края которого покрыты нерегулярной двусторонней ретушью. Серый патинизированный кремь.

11, 14, 15. Скребки – до 6,6x2,2-5,2x1,7 см, на грубых отщепках с нерегулярной односторонней ретушью.

12. Обломок – 4,5x3,5x0,4-0,6 см – носка кинжала из широкой тонкой пластины; лезвия ретушированы односторонне.

13, 16. Основная масса пятнистого кремня серых оттенков представляла собою нерегулярные отщепы и нуклеусы до 5,2x3,4x2 см. Не исключено, что они отражают изготовление здесь неких орудий (а может быть, и сами таковыми являются).

Ими же могли быть и 2 гранитных ромбовидных терочника, обломки (3,7x3x2,2 и 10x7,5x5,3 см; все поверхности заглажены) которых найдены среди прочих камней.

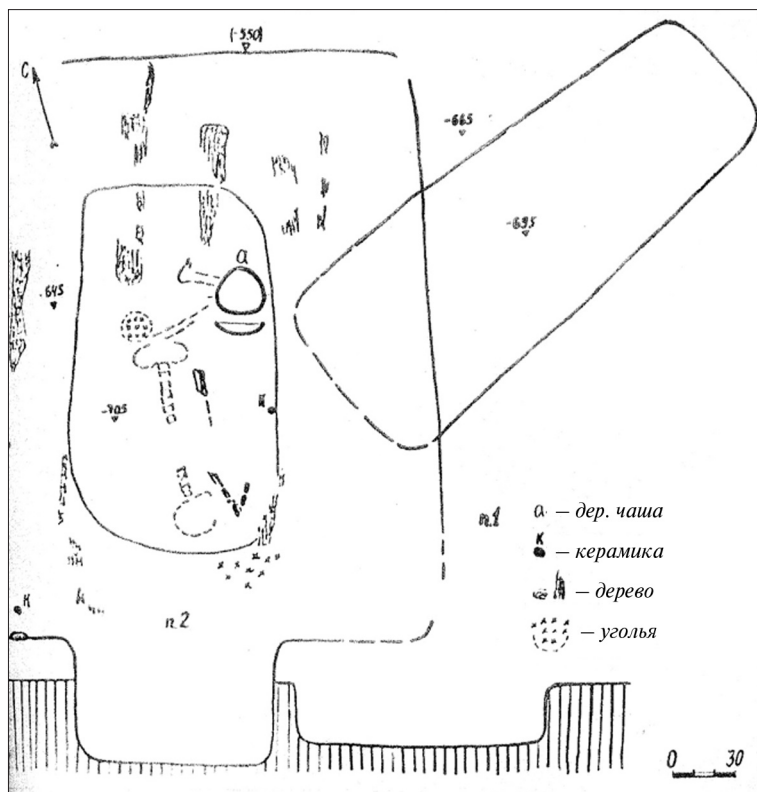
В целом вышеописанный комплекс характерен больше для днепро-донецкой, чем для среднестоговской культуры. Характерными для первой можно считать фрагменты керамики 1-4, а для второй – лишь 5-6. При этом всю первую группу и 7 можно отнести также к засушинской культуре. Отсутствие шнуровой и плоскодонной керамики, с одной стороны, а с другой – микролитов – среди кремневых изделий, позволяют синхронизировать весь комплекс обломков с комплексом корчаг рубежа раннего (среднестоговской фазы I-b) и позднего (квитнянской фазы II-a) периодов среднестоговской культуры, а также со средним периодом днепро-донецкой культуры, отчасти смешавшейся (засухинский вариант) с первой.

Погребение 1 (засухинское или постмариупольское, древнейшее в кургане) располагалось в 2,5 м восточнее репера – условного центра раскопок. Вытянутая трапециевидная яма длиной 2,4x0,7-0,9x0,3 м (дно на уровне –695 см от сохранившейся вершины кургана) была впущена с поверхности **древнего горизонта** и ориентирована наиболее узкой стороной на СВ.

Никаких следов погребения или хотя бы подстилки в могиле не обнаружено; судя по глубине ямы – оно и не предполагалось (рис. 9: 1). О культурно-хронологической принадлежности символического (кенотафного) захоронения можно судить по конфигурации могилы и по его типолого-стратиграфическому окружению (см. материалы предшествующего святилища, а также последующих погребений 2 и 3). Типологическое определение одиночной могилы как постмариупольской (где одиночные захоронения в ямах сменяют коллективные в траншеях, характерных для предшествующей днепро-донецкой культуры) ненадёжно вследствие и её кенотафности, и принадлежности к жреческому (не обязательно погребальному) ми-

Рис. 9. Погребения 1 и 2.

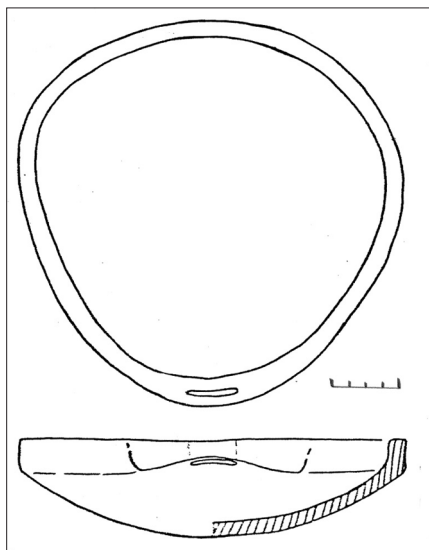
форитуалу — продолжающему традицию предыдущего святилища I.

Могила сопровождалась полукруглым (диаметром 10 м по внешнему краю) ровиком, шириною до 1,3 м и глубиною около 0,5 м. Его острый и округлый концы оканчивались на оси могилы и были направлены на СВ и ЮЗ. Между вторым из них и торцом могилы расположили округлую культовую яму. Композиция почти повторила предыдущую «змею с яйцом» — разве что последнее переместили от хвоста к голове, да ещё вырыли могильную яму; змеевидные рвы оказались взаимообращены один к другому (рис. 6; 61: а, б). Заметно видоизменились другие детали мифоритуала, а именно:

Ров был едва углублен в желтую материковую супесь; яму вырыли несколько позже. Нечетким рядом гранитных камней до 12х9х7 см голову «змеи» соединили с ближайшим, более широким торцом могилы — вырытой позже чашевидной ямы-«яйца» до 1,9х1,5х0,25 м. С противоположной, левой или ЮЗ стороны головы разложили костёр, от которого осталось невыразительное кострище диаметром около 3 м. Здесь найдены крайне невыразительные, мелкие осколки костей и керамики.

Выкидами из всех углублений было заполнено пространство внутри рва. Затем возвели округлую уплощенную насыпь 14х0,6 м (*строительный горизонт-I*). Она состо-

Рис. 10. Реконструкция деревянного сосуда из погр. 2.

яла из серовато-белого песка – взятого, очевидно, с берега ручья у подножия мыса.

Погребение 2 (нижнемихайловское или трипольское) было впущено с вершины первичной насыпи, частично перекрыв предыдущее захоронение (рис. 9: 2).

Овальная могила 1,75x0,95x0,6 м (дно –705) с невыразительным четырехугольным уступом 2x2,7x0,85 м (дно –645) была перекрыта вдоль шестью или более брёвнами. Перекрытие у Ю угла могилы, над головой погребенного, оказалось обожжено. В заполнении найдено несколько невыразительных фрагментов керамики, относящихся, скорее всего, не к рассматриваемому захоронению, а к культурному слою святилища.

Плохо сохранившийся в супеси скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, черепом на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая сильно согнута, с кистью перед лицом. На голове следы охры, ниже таза – кострище диаметром около 0,15 м. Кроме того, на дне могилы выявлен бурый тлен.

Перед коленями была поставлена деревянная чаша яйцевидной формы, сужающаяся к ручке с продольным (вдоль венчика) отверстием – предназначавшимся, очевидно, для подвешивания чаши к поясу (рис. 10). Венчик – прямой, тулово и дно – сегментовидные. Высота и диаметр – 6x24 см, толщина стенок – 1 см.

II строительный горизонт над рассмотренным погребением был сооружен следующим образом (рис. 61: в). Сначала его окружили ровиком, диаметром (по внешнему краю на уровне погребенной почвы) 13-14 м, шириной до 1,8 м, глубиной до 0,6 м. В отличие от двух предыдущих, данный ров не дуговидный, а кольцевой, но составлен из двух дуг. Каждая из них змеевидна. Можно полагать, что две предыдущие «змеи» сведены здесь воедино. Между их обращенными к Ю хвостами – проход 0,5 м. А между соприкасающимися на С стороне головами была вырыта ромбовидная (в отношении к ним) III культовая яма – 0,7x0,7x0,75 м, ко дну сужающаяся и скругляющаяся. В ней выявлены обломки костей мелкого животного(?) и древесный тлен от столба (рис. 11).

Песчаный выкид из третьего рва размещён вдоль его внутреннего края. Сам ров заполнили илом, принесенным, очевидно, из вышеуказанного ручья. Из этого же грунта (но с большей примесью песка и выраженной слоистостью) над могилой и рвом соорудили округлую досыпку 23-24x1,5 м. Она была укреплена панцырной прослойкой примерно такого же состава, что и заполнение рва.

Погребение 3 (нижнемихайловское) располагалось в 4,5 м восточнее репера. Его перекрытие состояло из 6-7 продольно уложенных брёвен и обнаружено на ур. –535, немного ниже поверхности предыдущей досыпки (рис. 12).

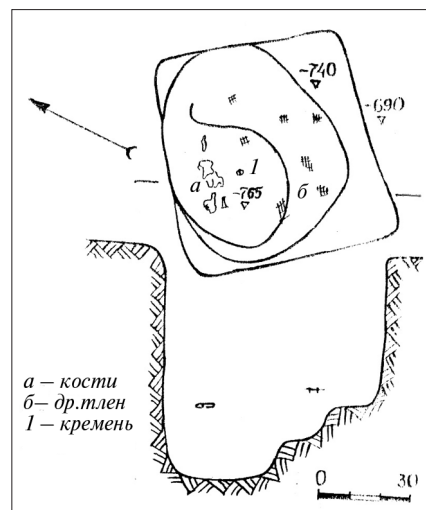
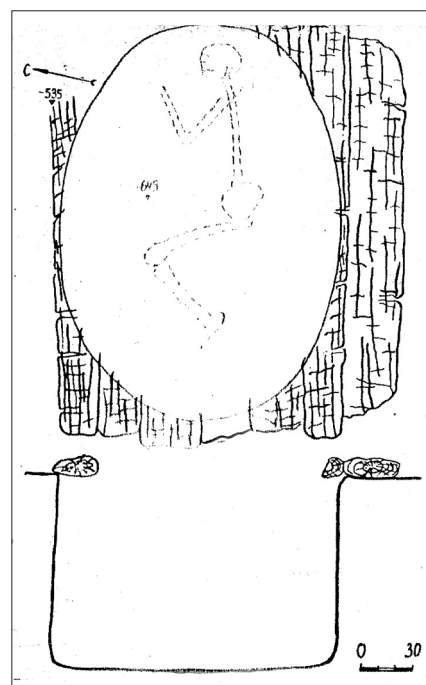

Рис. 11. Столбовая яма (III) из досыпки 1 первичной насыпи.

Рис. 12. Погребение 3.

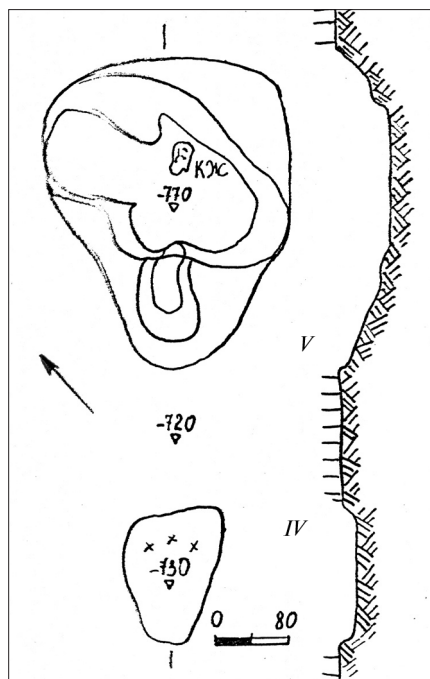
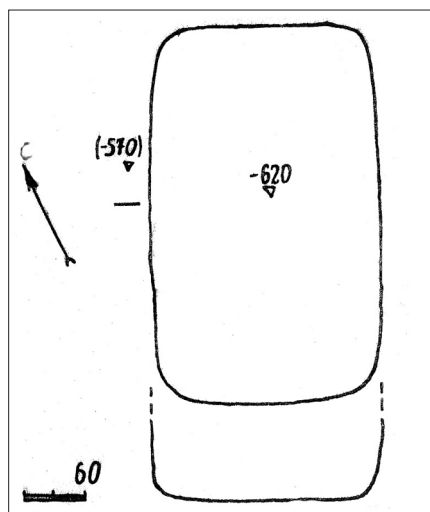

Рис. 13. Культовые ямы IV и V из досыпки 2.

Рис. 14. Погребение 4.

Не исключено, что из могилы происходит часть выкида на поверхности этой досыпки.

Овальная могила 2,3x1,6x0,9 м (дно -660), с невыразительным четырехугольным уступом 3,2x3,4x0,3 м (дно -645), была перекрыта вышеуказанными бревнами, а затем – камышом. ЮЗ участок перекрытия, у ступней погребенного, был обожжен.

Скелет взрослого человека лежал скорченно на правом боку, черепом на В. Кисти согнутых рук перед лицом. На костях головы и др. следы охры, на дне могилы – бурый тлен.

Погребение 4 (ямное – ?) располагалось в 2,5 м ЮВ репера, отчасти перекрывая погребение 1. Его непрослеженным уступом, по-видимому, была повреждена вершина предшествующей досыпки; ему же могла принадлежать часть выкида, прослеженного на поверхности досыпки в профиле Б южнее репера.

Четырехугольная, со скругленными углами, могила 2,3x1,4x1 м (дно -615, в толще первичной насыпи) оказалась кенотафом, вроде погребения 1, – т. е., без следов погребенного или хотя бы подстилки (рис. 14).

III строительный горизонт (вторичная досыпка первичной насыпи) над рассмотренными погребениями отступила от изначальной традиции. Рва под ней нету. Явственнее проступили комковатость и двучленность конструкции: ядра из довольно рыхлой серой супеси и панцыря из гумусного ила. К этой, очевидно, досыпке относятся культовые ямы IV и V за её В полый (рис. 13). Их размеры, конфигурация и взаиморасположение (головная часть большей ямы в сторону меньшей), а также общая ось ЮЗ-СВ представляют собою как бы план будущей Цегельни, составленной из двух соседних курганов. Первая из ям подтреугольная 1,6x1,2x0,6 м со скругленными углами; на дне – следы костра. Вторая, с обломком черепа крупного животного в заполнении, имела 8-образные очертания 3,6x2,8x1 м. Эти очертания можно трактовать (по аналогиям с некоторыми конструкциями, стелами и могилами курганов у Староселья) как *человекоподобные*, «антропоморфные». Таковыми же стали, по-видимому, и очертания рассмотренной досыпки (рис. 5).

Погребение 5 (ямное – ?) располагалось в 7,5 м СВ репера. В профиле Б отчетливо прослежено, что оно было впущено с поверхности второй и перекрыто третьей досыпкой (рис. 5; 15).

Стенки почти квадратных могилы и уступа были пологи; по дну их размеры составляли 1,9x1,6x0,95 м (дно -710) и 4x3,8x0,25 м (дно -605); ориентация по продольной оси СВ-ЮЗ. У СЗ стенки под подстилкой обнаружен бофр – полусферическое углубление 0,4x0,15 м.

На дне могилы прослежена подстилка из двух слоев древесной коры, между которыми к Ю и В от бофра – два

пятна охры. Но следы покойника отсутствовали, — ещё один кенотаф.

Строение и очертание третьей досыпки (*строительного горизонта-IV*) подобны предыдущей. Но конструктивных прослоек внутри её ядра больше. Судя по ним, досыпку сначала возвели до высоты предыдущей, но лишь с С стороны, — а затем уж ядро подняли да покрыли илистым панцирем. В профиле Б над С краем могилы прослежены остатки столба, установленного вместе с сооружением досыпки. С ЮЮЗ её стороны вновь прослеживается головной выступ. Такая *антропоморфность* подчеркнута дополнительными деталями. Ниже и по бокам головы, по диагоналям могилы, напротив её З и Ю углов, на поверхность досыпки было уложено 2 гранитные зернотерки; база лучшей сохранившейся западной имела овальные очертания — 40х27х13 см (рис. 16). Зернотерки явно символизировали груди человекоподобной фигуры. А место пупа (над *могилой-«зародышем»*, напротив указанного выше столба) заняли — ниже, к СВ от грудей — гранитной же стелой; у репера найден её невыразительный обломок 50х30х13 см. Размеры антропоморфной досыпки, ориентированной головой на ЮЗ, увеличили курган до 46х36х5,2 м.

Погребение 6 (*ямное* — ?) располагалось в 52 м ЮЗ репера, далеко за пределами рассмотренного выше кургана. Над могилой возведен был отдельный курган № 2, соседний с изначальным № 1. К началу раскопок этот курган оказался на 2/3 разрушен. От захоронения (пожалуй, единственного здесь) остался лишь невыразительный край могилы с бурым тленом на дне (рис. 5).

Прослежено, что погребенной почвы под вторичной насыпью (*строительным горизонтом-V*) не было: срыли, по-видимому, при возведении предшествующих досыпок основной насыпи кургана № 1. Строение рассматриваемой здесь насыпи соответствует двум предыдущим строительным горизонтам: ядро из бурой супеси да панцирь из гумуссированного чернозема. Первоначальные диаметр и высота достигали, очевидно, 23х2 м.

Погребение 7 (*ямное*) располагалось в 20 м восточнее репера. Могила 2,1х1,5х0,55 м (дно —810) имела двойной уступ 2,8х2,3х0,7 и 6,3х5,8х0,2-1,1 м (дно —685). Их очертания четырехугольны, со всё более скругляющимися углами (рис. 17).

Особенностью могилы является также двойственность её перекрытия: на каждом уступе. Основная яма была перекрыта поперек жердями и бревнами, а сверху ещё камышом. Затем последовало подобное перекрытие нижнего уступа — где не было, кажется, брёвен, а толстый слой камыша обнаружил крестообразное чередование прослоек. Ясно, что такое перекрытие должно было вскоре рухнуть, образовав на поверхности большую воронку — выражен-

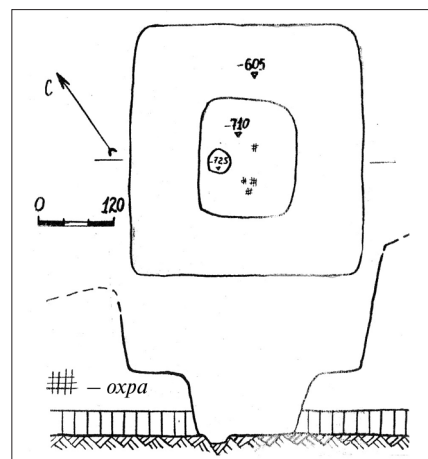

Рис. 15. Погребение 5.

Рис. 16. Зернотерка из досыпки 3.

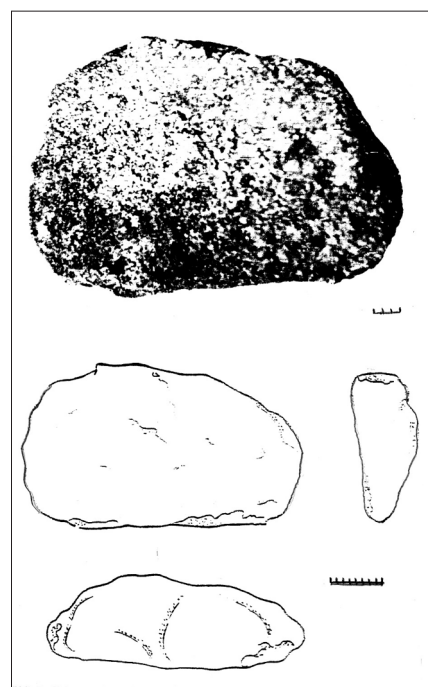

Рис. 17. Погребение 7.

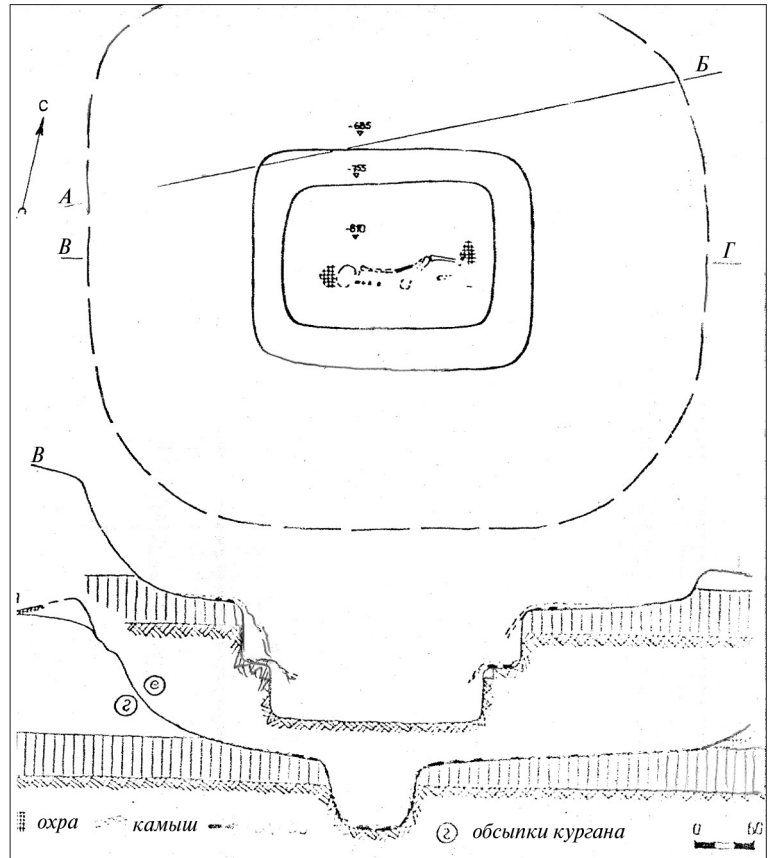
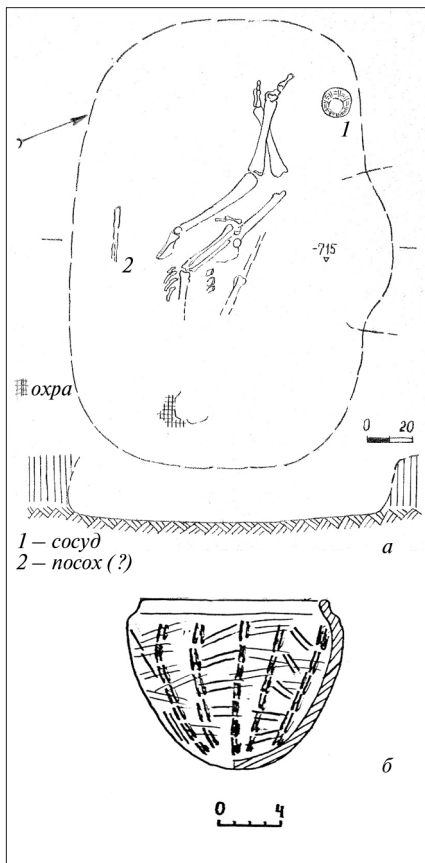

Рис. 18. Погребение 8 (а) и сосуд (б) из него.

ности которой, вполне очевидно, и добивались строители двойным перекрытием.

Плохо сохранившийся скелет взрослого человека лежал слабо скорченно на левом боку, с вытянутой вдоль туловища левой рукой (правая не сохранилась), черепом на 3. На дне могилы прослежена слабая меловая посыпка, поверх неё бурый тлен, а у головы и ступней погребённого — ещё и два пятна охры (крупницы которой встречены также перед грудью).

Неизвестно, только лишь с вышерассмотренным, или же ещё с какими-то захоронениями (разрушенными в наше время) было связано сооружение последней досыпки (*строительного горизонта VI*), самой объёмной в кургане. Продолжая традицию предыдущих, четвертая досыпка состояла из довольно рыхлого ядра (невзрачные комки серовато-бурой супеси) и плотного панцыря из илистого чернозема. Однако, верхняя конструктивная прослойка оказалась необычайно мощной, перекрывшей заодно и соседний курган; объединив его с основным, она-то и образовала 8-образную фигуру, в согласии и в завершение традиции антропоморфности последних строительных горизонтов, а также культовых ям IV и V (рис. 13).

Последующие захоронения были впущены в сформировавшуюся насыпь.

Погребение 8 (*катакомбное*) располагалось немногим ЮВ предыдущего, в 24,5 м восточнее репера (*рис. 18: а*). Непрослеженная входная яма была направлена к полю кургана, к В от камеры в форме неправильного овала 2х1,3-1,45 м (дно –715).

Скелет взрослого человека лежал слабо скорченно на правом боку, черепом на ЮВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая немного согнута, кисти перед тазом. На дне слабые следы мела и бурого тлена, у черепа погребенного –пятно охры.

За тазом обнаружены остатки деревянного посоха (?) длиной более 25 и диаметром около 2 см. Перед ступнями был поставлен вверх дном лепной круглодонный сосуд (*рис. 18: б*). На его стенках – накипь и остатки травянистых волокон, местами обугленных. Под сосудом найден обрывок мата из тонких прутиков, сплетенных узкими полосками коры.

Сосуд расширяющихся к плечикам пропорций. Поверхность бурая, «паркетно» заглаженная зубчатым штампом: две пары треугольников разделены двумя и тремя вертикальными прерывистыми линиями. Высота сосуда 11,7 см; диаметры венчика и тулова – 12 и 13 см.

Орнаментальная композиция отражает, вероятно, 4 времени года или же суток (где каждая пара треугольников выражала весну и осень, или же восход и закат солнца), сопряженные с количеством месяцев беременности (*возрождаемого Матерью-Землею покойника*). Последнее предположение основанно на общей семантике катакомб и на конкретной семантике кургана, в который было впущено рассматриваемое погребение.

Погребение 9 (*ингульское*) располагалось в 20 м СВ репера, немного севернее погребения 7, – начиная собою южнее расположенную группу из 5 или более (разрушенных) однокультурных захоронений вдоль В полы кургана (*рис. 19*).

Непрослеженная входная яма была направлена к полю кургана, к В от бобовидной камеры 2,35х1,4 м (дно –760). От входа в неё прослежена лишь полукруглая выемка 0,9х0,5х0,2 м, переходящая ко дну камеры ступенькой высотой 0,3 м.

Скелет женщины (?) лежал вытянуто на спине, черепом на ЮВ. У правого плеча – пятно охры, на дне могилы – слабые следы бурого тлена.

Погребение 10 (*ингульское*) располагалось между погребениями 7 и 8, в 20 м СВ репера (*рис. 20*). Непрослеженная входная яма была направлена к полю кургана, к СВ от бобовидной камеры 2,3х1,4 м (дно –750).

Скелет мужчины (?) лежал вытянуто на спине, черепом на ЮЮВ. Справа (в сторону выхода) от черепа и таза – два пятна охры, на дне могилы – бурый тлен.

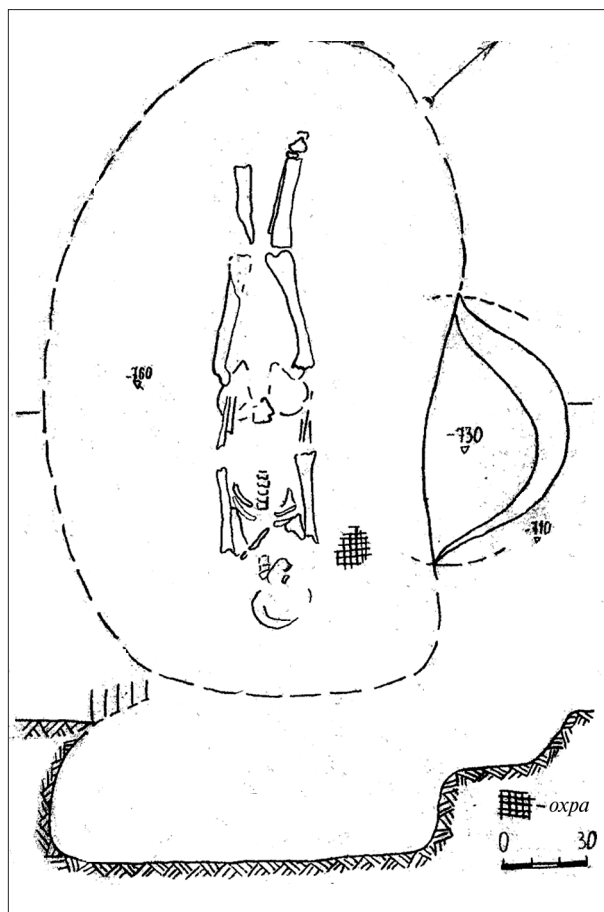

Рис. 19. Погребение 9.

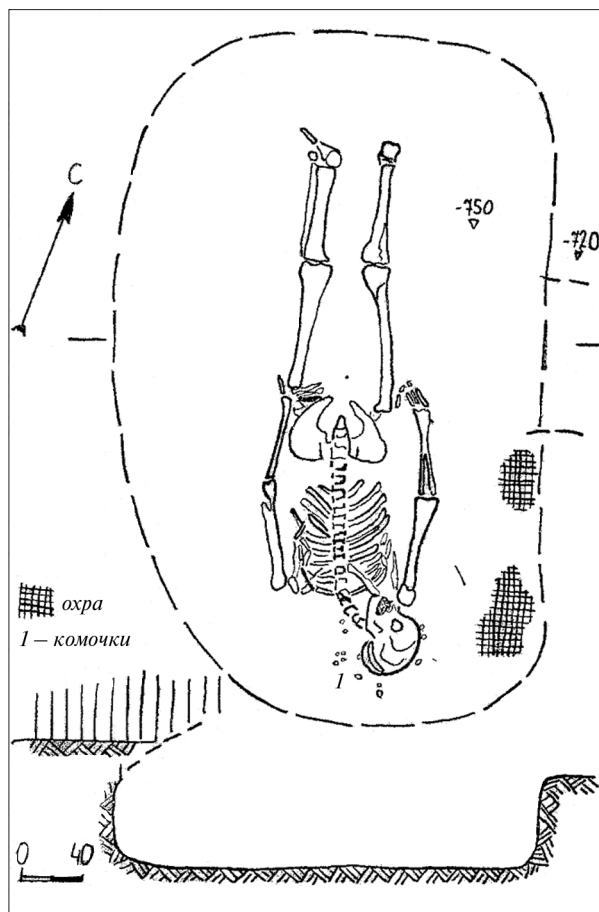
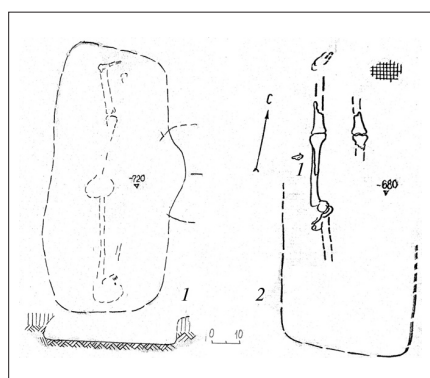

Рис. 20. Погребение 10.

Рис. 21. Погребения 11 и 12.

Вдоль черепа было разложено 10 комочков (до 2х1,5х1 см) из высушенной желтой глины; их прочность указывает на применение вяжущего компонента.

Погребение 11 (ингульское) располагалось в 26 м ВЮВ репера (рис. 21: 1). Непрослеженная входная яма была направлена к полю кургана, к В от камеры 2х1 м (дно -720) неправильных подчетыреугольных очертаний.

Плохо сохранившийся скелет взрослого человека лежал вытянуто, черепом на Ю; возможно, на правом боку.

Погребение 12 (ингульское) располагалось в 24 м ВЮВ репера (рис. 21: 2). Остатки камеры, шириною около 0,75 м (дно -680), имели подчетыреугольные очертания.

Судя по остаткам ног, скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом на ЮЮВ. У ступней – пятно охры.

У левого колена найден неправильный отщеп серого кремня 4х2,3х0,8 см (попавший, возможно, случайно из культурного слоя I святилища).

Погребение 13 (ингульское – ?) располагалось обособленно от предыдущих, в 22 м ЮВ репера. Остатки камеры (?) (дно -700) сохранили берцовые кости взрослого человека, лежавшего вытянуто, головой на С. На дне могилы – следы бурого тлена.

Погребение 14 (культуры многоваликовой керамики) располагалось в 4 м СВ репера (рис. 22). Могила представляла собой подбой, с овальной входной ямой 1,6х0,7х3,45 м (дно –345) и вырытой вдоль его продольной ЮВ стены камерой 1,5х0,5 м (дно –360) подобных очертаний.

В заполнении входной ямы, особенно у дна, а также в камере – много камышового тлена. А на дне могилы – слабые следы бурого тлена.

Случайно ли захоронения в Цегельне и начались, и завершились кенотафом – пустой могилой? Или же они в очередной раз, второй или третий, отразили узкохронологические периоды миграций? – в начале поздних этапов сосуществовавших здесь среднестоговской и днепро-днепровской культур; затем, возможно, нижнемихайловской и ямной; в конце же – многоваликовой и срубной. И не было ли захоронений последней? – с которыми-то и было связано объединение рассматриваемых здесь курганов № 1 и № 2. Или же описываемые ниже сосуды раннего периода срубной культуры отразили соответствующее почитание наибольшего в округе кургана (ср. с почитанием скифами Высокой Могилы), бытование в то время **святилища II** на вершине и в ЮЗ седловине Цегельни?

Нельзя однозначно ответить на эти вопросы, исследуя лишь сохранившуюся треть памятника. Ограничимся описанием вышеупомянутого комплекса из 5 сосудов срубной культуры (рис. 23):

1. Фрагментированный сосуд баночной формы, найденный у репера – на вершине кургана № 1. Между линиями, прочерченными под венчиком и вдоль максимального расширения тулова – более 12 заштрихованных треугольников вершинами вверх. Высота сосуда 14 см; диаметры венчика, тулова, дна – 15,5х17х8,5 см.

2. В 7 м СЗ репера под дерном найдены часть венчика и тулова сосуда баночной формы, неорнаментированного. Реконструированные высота, а также диаметры венчика и тулова – около 15х13х13,5 см.

3. В 15 м СВ репера в слое (или в непротраченном перекопе?) верхней досыпки кургана № 1 найден сосуд вышеуказанных типов, но с более округлым туловом и слегка вдавленным дном. Поверхность бурая, в тесте много песка. Орнаментация подобна сосуду 1, но сложнее. Две линии проведены вдоль верха плечиков и максимального расширения тулова; пространство между ними занято горизонтальной «ёлочкой» из 13 уголков. А ниже расположено 10 заштрихованных треугольников, вершинами книзу. Истоки подобных композиций представлены в керамическом комплексе святилища I. **Высота сосуда – 13 см; диаметры венчика, тулова, дна – 15х16х10 см.**

4-5. У вершины кургана № 2 найдены части венчика и тулова от двух сосуда баночного типа. Под шейкой одного из них – поясok из прочерченного двойного зигзага. Под

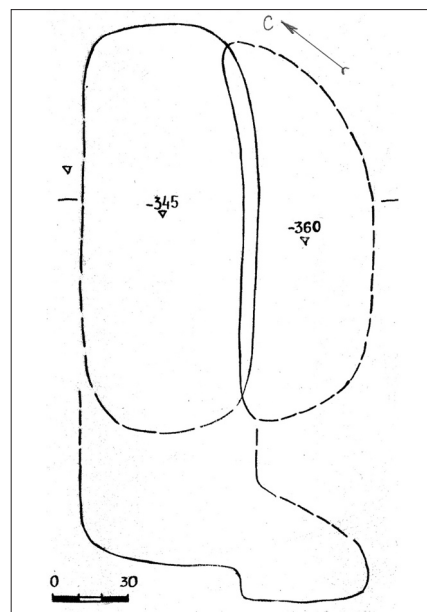
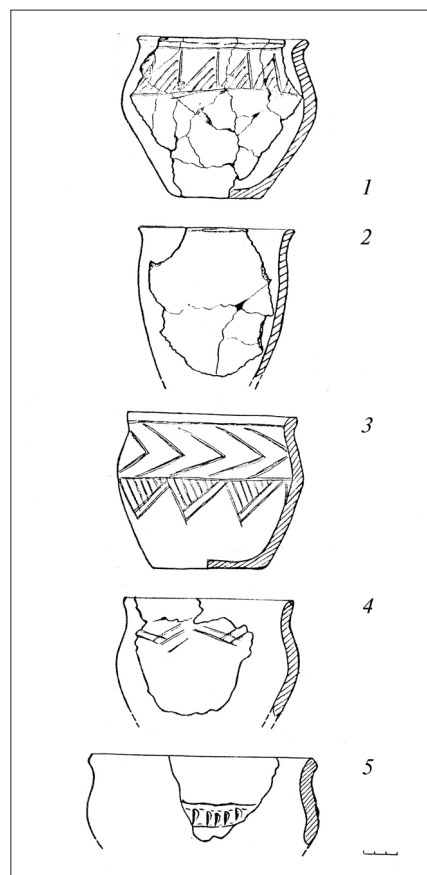

Рис. 22. Погребение 14.

Рис. 23. Сосуды с поверхности кургана Цегельня.

шейкой другого – валик, выделенный двумя продольными желобками и расчленённый отгисками ногтя. Реконструированные диаметры венчиков – около 15 и 20 см; диаметр тулова первого – около 16 см.

В целом рассмотренный комплекс из 5 сосудов относится к раннему периоду срубной культуры.

После длительного периода существования, уже не связанного с развитием общей культурно-исторической традиции Цегельни, в её вершину было впущено последнее из археологически важных захоронений.

Погребение 15 (*золотоордынское*) обнаружено рядом с репером. Могильная яма (или разрушенный сверху подбой?) имела грушевидные очертания 2x0,6-0,85x1,65 м, суживающиеся к ногам погребенного. Ступни и прилегающая часть могилы были срезаны погребением XVIII-XIX вв. (рис. 24).

Скелет мужчины около 30 лет лежал вытянуто на спине, с небольшим наклоном на правый бок, черепом на СЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута, кисть на лобке. Вдоль левой плечевой кости уложены череп и нижние части передних ног коня, ориентированного подобно покойнику.

У темени, под грудью, между ребер и у ступней погребенного найдены следующие железные предметы. Скобы (1) от несохранившегося деревянного гробовища. Между бедренными костями, ближе к левой, обнаружен нож (2). Там же, выше коленей, найдены наконечники стрел (3) из несохранившегося колчана), обращенные остриями к тазу. Между стрел – 2 пряжки; третья лежала с внешней стороны левого бедра (4). Ниже коленей и рядом с ножом – кремень и кресало (5). Под левой голенью и левее её найдено 2 стремени (6).

1. Целая скоба имела В-образную форму, 7,5x2x3 см, загнутые концы суживались до 0,7 см. Обломки остальных имели ширину до 2 см и толщину менее 0,5 см. Одна из скоб – оригинальной Д-образной формы с заклепками на концах – происходит, по-видимому, от колчана. Её максимальные размеры 6x2x1 см.

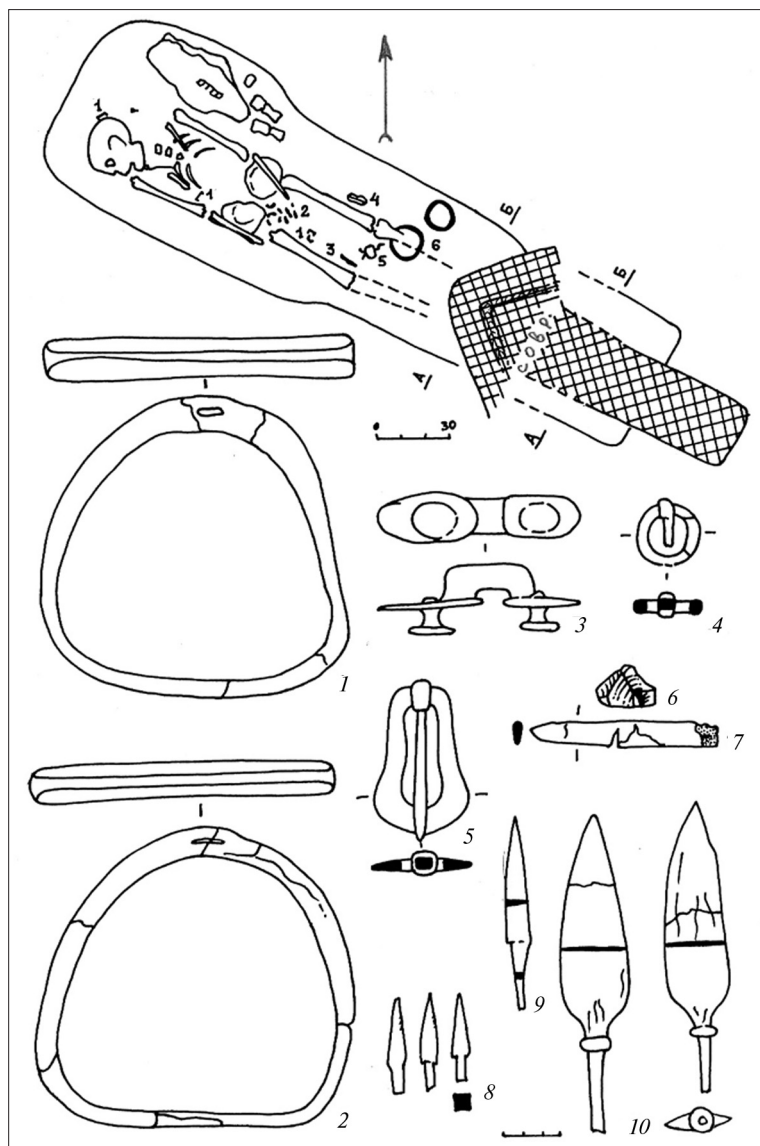
2. Нож черешковый, однолезвийный. Максимальные размеры 9x1,3x0,5 см, длина клинка 5,3 см.

3. Среди черешковых наконечников стрел выделяется 2 типа: 3 листовидные и 5 четырехгранных. Первые до 15x3 см; длина пера 10,5 см; диаметр колечка между ним и черешком около 1,5 см. Длина вторых до 4,5 см, длина пера около см; ширина грани до 0,6 см.

4. У стрел – круглая пряжка до 2,8x0,6 см. У их же черешков – прямоугольная рамка 4x3x0,4 см без язычка. Над коленом – 8-образная пряжка 7x4,3x1,2 см.

5. У второй из пряжек(?) найден обколотый со всех сторон кремешок 2x2x1,5 см, а между ножом и стрелами – стержень 10x1,5x0,8 см.

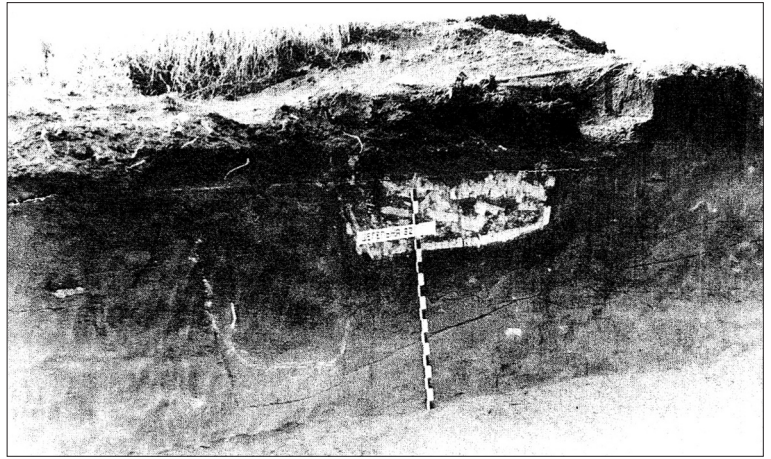
Рис. 24. Погребение 15.

6. Первое из вышеуказанных стремян 15x14x1-3 см имело полуовальную форму и плоскую подножку, отверстие для ремня не выявлено. Второе, подобное стремя сохранилось много хуже.

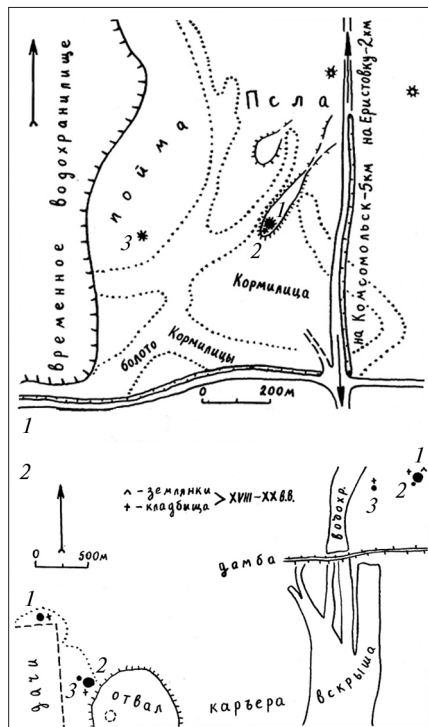
Последние могилы – кладбища финала казацкой эпохи – сохранились плохо; погребального инвентаря в них не встречено. Время определено по находкам монет на поверхности кургана. На вершине, между погребениями 14 и 15, обнаружены остатки землянки (того же XVIII в.?) (рис. 25).

Рис. 25. Стратиграфия вершины Цегельни. Между могилами 14 и 15 (справа, раскопана) — совр. землянка с белесым заполнением.

Кормилица и близлежащие курганы

Рис. 26. Планы курганных групп Кормилица (1) и у Старая Червовка (2).

располагались в 3,5 км к ЮВ от кургана Цегельня, на подобном мысу, в 1 км южнее с. Еристовка (рис. 26: 1). Вследствие длительных разрушений землянками и могилами XVIII-XIX веков и последующей геодезической вышкой (на вершине кургана № 2), первоначальный вид несколько изменился. К счастью, центр кургана оказался ненарушен.

Курган был наибольшим в группе из сам-трёх насыпей. Ближайшая из них — располагаясь ЮЗ основной, на самом краю мыса — соприкасалась полой с основной; вместе эти курганы № 1 и № 2 образовали 8-образную фигуру, основой которой (как и в случае с Цегельней или же Высокой Могилой) стала более древняя и «представительная» Кормилица (курган № 1). Высоты двух вершин комплекса 0,4х2,47 м, диаметры и общая протяженность по оси ЮЗ-СВ — 17х30х50 м.

Курган раскопан при помощи бульдозеров методом параллельных траншей. В них удалось зафиксировать 2 профиля, однако, на жёлтой материковой супеси отчетливо проступало черноземное заполнение рва и культовых ям, — что и позволило надёжно воспроизвести конструкции и мифоритуалы 4-х строительных горизонтов.

В кургане выявлено предшествовавшее ему бескурганное святилище постмариупольской и среднестоговской культур, а также 6 погребений: 1 постмариупольской (поздней днепро-донецкой) археологической культуры, 1 среднестоговской, 1 ямной, 2 ингульской, 1 культуры многова-

ликовой керамики; святилище срубной культуры, а также 9 культовых ям всех периодов (рис. 27, 43).

При описании могил сохранена их раскопочная нумерация, соответствующая последовательности истории сооружения кургана.

Святилище I (засухинской или постмариупольской культуры; при участии носителей нижнемихайловско или трипольской культуры) располагалось в 0-м м ЮЗ репера. В двух профилях раскопочной бровки четко прослежено, что ров и первичная насыпь, составлявшие основу святилища, были устроены на поверхности **древнего горизонта** (рис. 28). Их можно рассматривать как **I строительный горизонт** – курганный уже, в отличие от генетически предшествовавшего ему святилища I кургана Цегельня.

Изогнутый к СВ дуговидный (с диаметром примерно 8 м по внешнему краю, шириною до 1 м, глубиною около 0,4 м) ров оканчивался с Ю стопообразной (поперек рва, носком к С) культовой **ямой-I** 1,4x0,6-0,7x0,95 м, перекрытой треугольной гранитной плитой до 1,1x1x0,2 м (рис. 29). Форма С конца рва, прорезанного здесь культовой ямой-

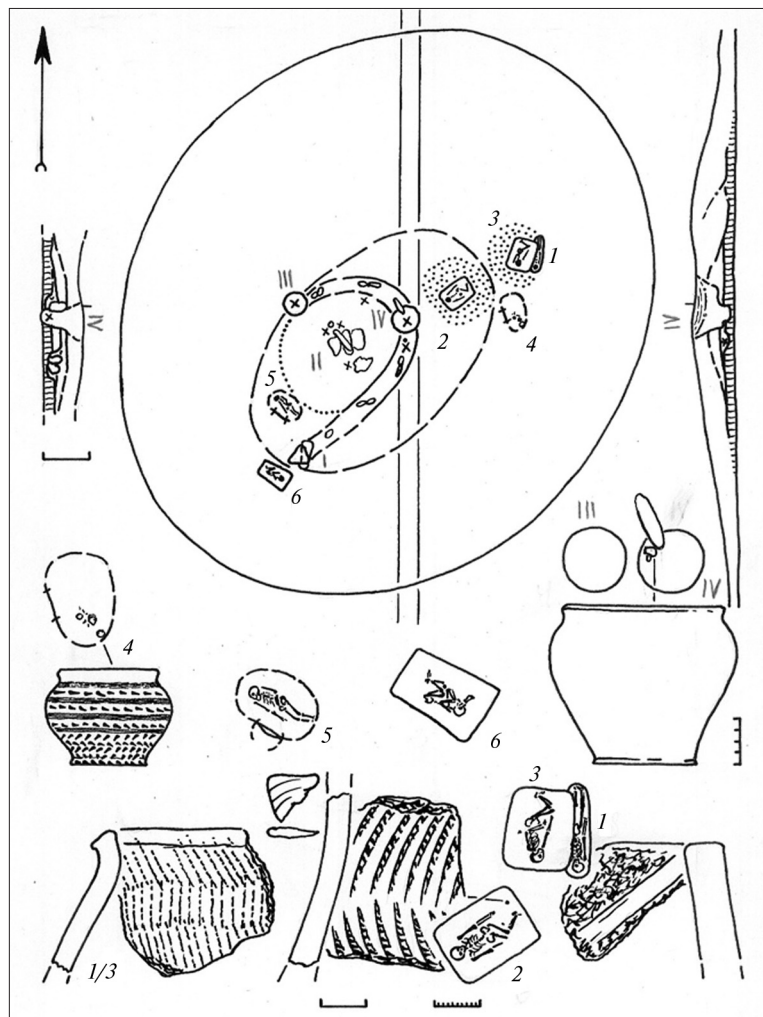
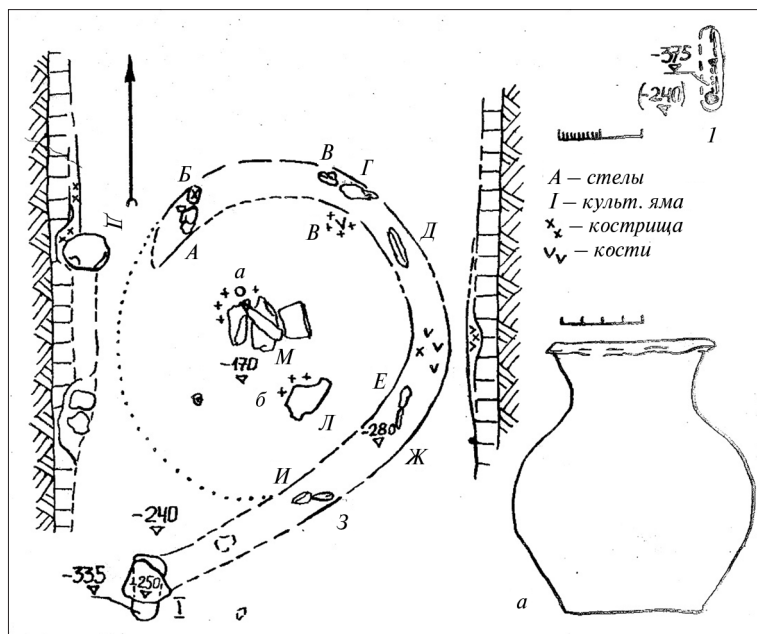

Рис. 27. План и разрезы кургана Кормилица; погребения, ямы (III-IV), находки. 1/3 – керамика из погребения I кургана №3.

Рис. 28. Основные святилище I и погребение 1 Кормилицы. А-М – стелы; а – сосуд; погребение 1 (в масштабе его истинной удаленности от святилища).

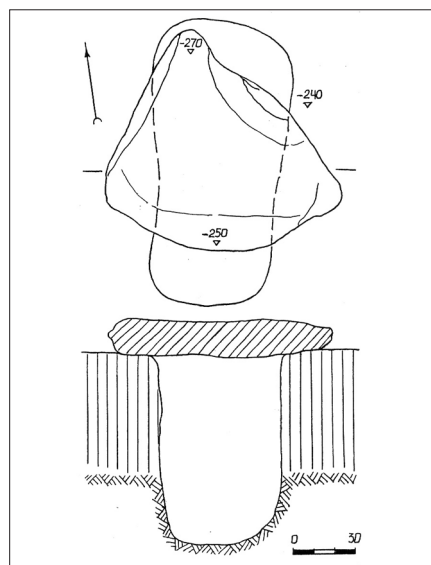
III срубной культуры, не установлена. Композиция в целом передаёт змею с треугольной головой, стопообразная яма на месте которой может быть сопоставлена с таким же углублением на голове мифического змия из «Грота Дракона» Каменной Могилы [2, с. 94-97, 153-155].

В отличие от заполнения головной части рва святилища Цегельни, никаких находок в культовой яме Кормилицы не обнаружено. Выходит, что мифоритуального змия здесь не кормили, а попирали – стопой некоего божества, которое, как увидим дальше, периодически пожиралось Змием, а затем воскресало. Знаком такого пожирания, а вместе с тем и жертвоприношением Змию являются обломки человеческого черепа, найденные в придонном заполнении СВ, изогнутого, участка рва.

Не было у «змия» Кормилицы и культового «яйца». Вернее, оно было устроено в центре плоской (высотой около 0,5 м) насыпи, образованной внутри рва из его выкида, – обрета при этом вид сложного жертвенника. Его основу представляла культовая яма-II (предположительно четырехугольная, около 1,3x0,9x0,8 м), вырытая с поверхности первичной насыпи в направлении 3-В и перекрытая поперёк гранитными плитами со следами дополнительной обработки (рис. 30). На дне ямы обнаружен тлен от невыразительных костей – жертвоприношения, очевидно. Центральная, наибольшая плита 1,3x0,7x0,25 м походила на стелу, ориентированную головным выступом на С. Боковые плиты имели подчетырёхугольные очертания. Размеры западной плиты 1x0,4-0,8x0,3 м; восточной – 0,85x0,7x0,25 м.

Поверх алтаря прослеживалась зола, сосредоточенная у СЗ угла в кучу, около 1,5x0,3 м. В ней найден лежавший на боку, венчиком к алтарю, лепной плоскодонный сосуд

Рис. 29. Яма I у головного края рва святилища I.

высотой 14 см (рис. 28: а; 30: 1). Он был изготовлен из глины без видимых примесей; буровато-серые стенки, толщиной около 1 см, заглажены (местами до лоска) и хорошо обожжены; орнамент отсутствует. Скошенный отогнутый венчик 8,2 см выщерблен от длительного употребления. Высокая шейка 3 см отогнута, тулово 11,5 см округло, дно 6,8 см немного вогнуто.

Сосуд не относится к среднестоговской или днепро-днепской культуре. Вместе с тем он не типичен ни для трипольской, ни для нижнемихайловской культур – но, в общем, тяготеет к лукашевскому типу первой из них и может быть отнесен к рубежу среднего и позднего Триполья. Сузить эту дату до этапа В-II [1, с. 32 и др.; 5, с. 172-173, 288-289 и др.] позволяют материалы как вышерассмотренной Цегельни, так и нижеследующих погребений 1 и 2 самой Кормилицы. Что же касается двух первых культур, то рассматриваемое святилище следует разместить между I да II строительными горизонтами Цегельни – и считать апофеозом развития первого из них. К данному вопросу вернёмся ниже.

Зольная куча святилища накопилась, по-видимому, вследствие многолетнего повторения мифоритуалов (как было и с I святилищем Цегельни). Свидетельством тому являются 7 пар его стел – последняя из которых осталась у алтаря, а предыдущие пары были вкопаны (вниз головой, кроме ниже оговоренных случаев) в ров, т. е. «пожраны Змием». Все стелы изготовлены из того же гранита, что и камешки под первичной насыпью Цегельни, а также плиты рассматриваемого алтаря. Этот серый мелкозернистый, почти однородный гранит отличается от характерного (красноватого, крупнокристаллического, в прожилках) для близлежащего карьера ПГОКа – и доставлен, очевид-

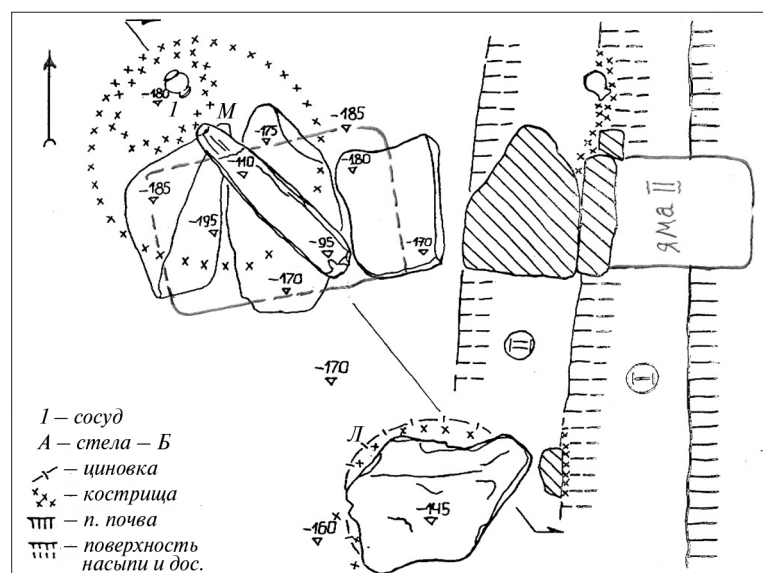

Рис. 30. Яма II и стелы Л-М в центре святилища I.

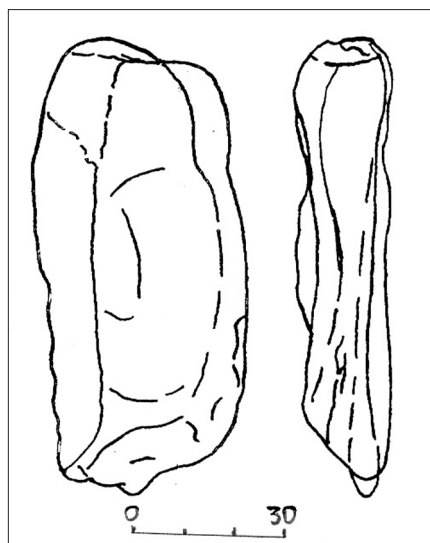

Рис. 31. Стела Б.

Рис. 32. Стелы В-Г.

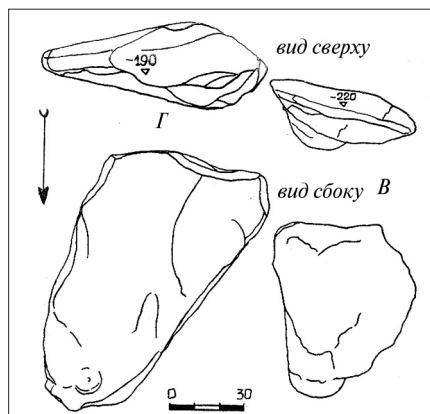
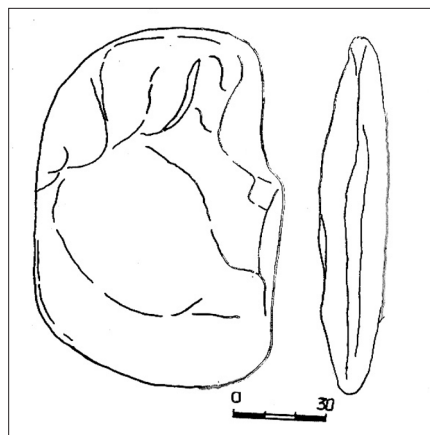

Рис. 33. Стела Д. Вид на стелы Д и Е-Ж в западном профиле центральной бровки.

но, за 10 км из выходов гранита у современного с. Редуты. Строителям необходим был, наверное, не так цвет, как структура камня.

Вторичная – в ров – установка стел началась, судя по их типологии, от хвоста Змия. Так мы их и рассмотрим (рис. 28, 62):

Стелы А и Б располагались примерно в 2 м от конца хвостовой части рва. Первую из них можно принять за небрежно обработанную подтреугольную плиту $0,5 \times 0,3 \times 0,12$ м, лежащую углом на СВ и вниз. Вторая же стела – $0,9 \times 0,4 \times 0,2$ м – явно фаллическая (рис. 31). Она была вкопана головкой кверху, наилучше обработанной стороной вовне рва. Найденные рядом два меньших необработанных камня можно считать забутовкой стел или же символами перерождения заключенных в них образов.

Стелы В-Г располагались ближе к голове Змия, в 3-5 м от предыдущей пары. Как и в предыдущей, обращенную к хвосту стелу $0,7 \times 0,2 - 0,6 \times 0,15 - 0,25$ м трудно определить; зато вторая $1,2 \times 0,15 - 0,7 \times 0,05 - 0,35$ имеет специально обработанную головку $0,06 \times 0,15 \times 0,08$ с концентрическим кругом 0,1 м на лицевой стороне и рубящим ударом на темени, – и может быть определена как антропоморфно-фаллическая (рис. 32: Г).

Стела Д (вторая была, очевидно, извлечена при обустройстве культовой ямы IV) располагалась в 2 м от предыдущей. Неплохо обработанное изваяние $1,15 \times 0,7 - 0,8 \times 0,05 - 0,25$ м напоминает ступню (рис. 33), семантически связанную, по-видимому, со стопообразной ямой I в головной части рва. На вкопанной головной части хорошо видны следы закопченности (у алтаря?). В связи с этим следует отметить кострище на поверхности насыпи между Г и Д. Оно было покрыто циновкой и присыпано землей, а сверху – снабжено жертвоприношением в виде астрагала и обломка ноги мелкого парнокопытного. С другой стороны – во рву между стелами Д и Е – были обнаружены вышеуказанные обломки человеческого черепа и скопление угольков.

Стелы Е-Ж вкопаны в 3-4 м от предыдущей. Плиты $0,7 \times 0,5 \times 0,15$ и $0,65 \times 0,5 \times 0,1 - 0,2$ м были лишь слегка обработаны; затруднительно признать стелы в их подтреугольных формах.

Стелы 3-И располагались в 2,5-4 м от предыдущих и в 4-6 м от головной части рва (рис. 34). Первая из них $0,65 \times 0,45 \times 0,04 - 0,11$ м вполне характерна для антропоморфных стел эпохи меди: четырехугольная, со скругленными плечами и едва выделенной (не исключено, что преднамеренно стёсанной) головой. Вторая стела тоже обнаруживает признаки антропоморфности, – однако её высокая ($0,25$ м) полуовальная головка, выступающая из ромбической грубо обработанной плиты $0,7 \times 0,55 \times 0,08 - 0,14$ м, относится к фаллическим. На стелах заметны следы копоты.

Наличие VI пары (примерно в 2 м и от предыдущей, и от головы Змия) можно предполагать по обломку 0,5x0,3x0,15 м подчетырёхугольной плиты, обнаруженной на дне землянки, прорезавшей ров на данном участке.

VII пара стел Л-М осталась у алтаря, засвидетельствовав начало мифоритуала, повторявшегося, очевидно, над каждой из пар. Стела М осталась лежать на алтаре — рядом с кучей золы и сосудом. Антропоморфность данной миндалевидной, сильно закопченной плиты 1,35x0,4-0,75x0,2-0,25 м, несомненна (рис. 36). То же можно сказать и о стеле Л (рис. 35) размерами 1,2x0,9x0,07-0,22 м, найденной немного южнее алтаря. Лежала она лицевой стороной вниз; её головной выступ 0,18x0,2-0,35x0,07 м был направлен к Ю — к Змию и в противоположном алтарю направлении. При изготовлении на правом плече оставлен выступ, который был затем сбит многочисленными точечными ударами; отломали также угол основания стелы. Под ней обнаружено кострище, диаметром до 1 м, которое было покрыто циновкой и посыпано мелом (ср. с кострищем возле стел Г и Д).

Итак, прежде чем быть закопанными в ров, стелы устанавливались между зазорами трёх плит алтаря — где производилось возжигание и проч. Затем стелы низвергались — и это тоже был ритуал, после которого следовал ещё один перерыв. Указанные моменты, предшествовавшие вкапыванию стел в ров, отразились в последней из пар. Остальные пары засвидетельствовали периодичность данного мифоритуала — повторявшегося, вероятно, ежегодно в течение 7 лет. Постояв какое-то время на алтаре и засвидетельствовав тем самым торжество некой пары божеств, каждая из этих пар свержалась и лежала потом некоторое время у алтаря; затем её вкапывали в ров вниз головой — в знак пожирания Змием этих божеств. Но по прошествии ещё какого-то времени всё повторялось — напоминая современные манипуляции с новогодней ёлочкой.

Захоронения при рассмотренном святилище не было (если не считать жертвенных останков — человеческого черепа во рву и неопределённых костей под алтарём), но с ним можно связать могилу (жреца?), впущенную с *древне-го горизонта* в 8,5 м СВ соответствующего края святилища (рис. 28: 1; 62: 7).

Погребение 1 (засухинское или постмариупольское, древнейшее в кургане) было устроено в овальной челновидной яме 2x0,6x1,35 м (дно на уровне -382) — с непрослеженным, по-видимому, над нею уступом. Западная продольная стенка, левая рука и часть ноги погребённого оказались срезаны погребением 3, керамика которого (см. ниже) относится, возможно, к рассматриваемому здесь погребению (рис. 37: 1).

Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом на Ю. Под голову невыразительный бурый глен

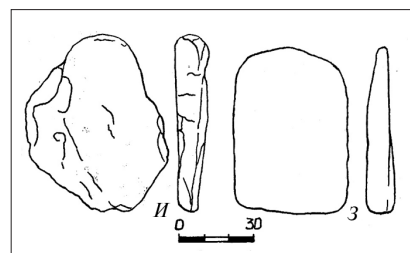

Рис. 34. Стелы З-И.

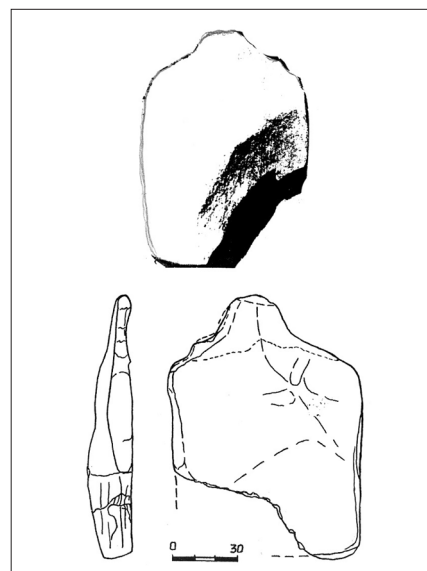

Рис. 35. Стела Л.

Рис. 36. Стела М.

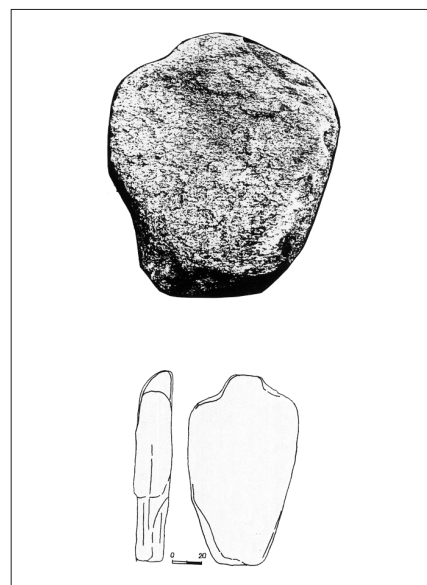
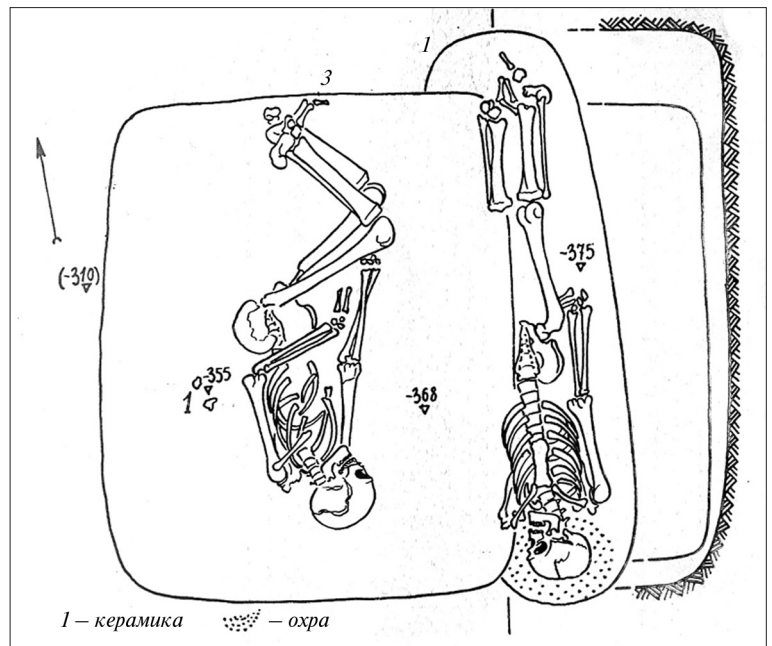

Рис. 37. Погребения 1 и 3.

и следы охры. Могила до самого дна была тщательно засыпана жёлтой материковой супесью.

Поиски под курганом и вокруг него подобных захоронений (вероятного могильника) результатов не дали; пришлось признать уникальность погребения 1 и связь его со святилищем. Синхронность его с первичной насыпью Цегельни – сооруженной над однокультурной (см. уточнение её хронологии) могилой без погребённого – подтверждается культурно-хронологической принадлежностью следующего захоронения Кормилицы.

Погребение 2 (*среднештоговское*) располагалось между погребением 1 и выгнутым, СВ краем святилища. Выкид из прямоугольной могилы 1,9x1,4x1,2 м (дно –367) хорошо прослежен на *древнем горизонте* (рис. 38).

Скелет крупного мужчины среднего возраста лежал скорченно на спине, черепом на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль

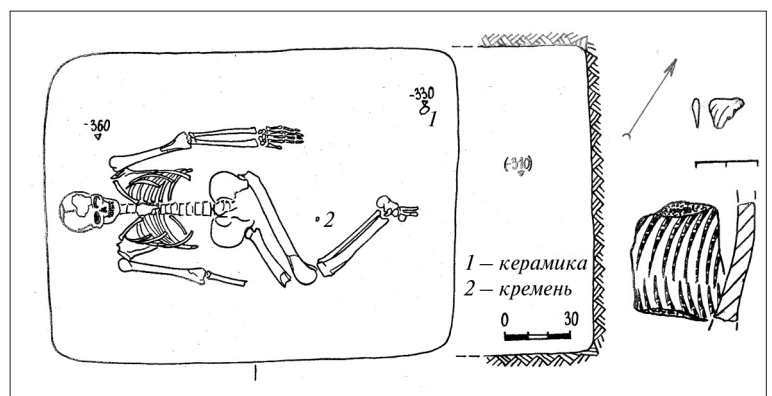

Рис. 38. Погребение 2.

туловища, согнутые колени упали вправо. Лоб интенсивно окрашен охрой, на дне под скелетом бурый тлен.

За коленями на дне могилы найден отщеп 1,1x1x0,2 см желтовато-серого кремня, а у ступней в заполнении (на 0,3 м выше дна) – фрагмент 4x3x0,6 см шейки сосуда бурого цвета, без видимых примесей; сохранилось два ряда косых дуговидных оттисков зубчатого штампа.

Находка заставляет отнести погребение к среднестоговской культуре – более поздней (судя по фактуре керамики: без примеси раковин и наличию штампа с более крупными зубьями), нежели в I святилище Цегельни. С учётом данного обстоятельства, а также сосуда при алтаре, рассмотренное I святилище Кормилицы может быть отнесено к рубежу фаз II-а – II-в позднего периода среднестоговской культуры. Такая датировка уточняется однокультурным захоронением из кургана № 3 (см. ниже).

Первая досыпка (*строительный горизонт II*), перекрывающая вместе с погребением 2 и святилище, но оставившая за своими пределами синхронное последнему погребение 1, – показывает принадлежность святилища носителям позднего периода днепро-донецкой культуры, но не закрывшим его «среднестоговцам». И это невзирая на учреждение последними подобного, притом более раннего, святилища в Цегельне... Но вернемся к досыпке над святилищем Кормилицы.

Ей придали овальную (яйцевидную?) форму 17x10,5x1,5 м, ориентированную по оси святилища и соответственно ориентировки погребения 2: на ЮЗ. Состав досыпки подобен предыдущей насыпи святилища: обе состоят из аморфного, довольно плотного серозема. На незначительность хронологического разрыва между ними указывает сохранность кучи золы и сосуда в ней, а также положение стелы Л (см. выше) на ребре: это неустойчивое положение было зафиксировано строителями досыпки (рис. 27, 30).

Вторая, верхняя досыпка (*III строительный горизонт*) придала кургану внешние его параметры: 36x30x2,47 м. Она сохранила овальность его очертаний и ориентацию ЮЗ-СВ. Состав отличается от предыдущих некоторой комковатостью и наличием среди комьев гумуссированного чернозема (взятыми, очевидно, из пойменного подножия мыса Кормилицы). Задернованность поверхности предыдущей досыпки указывает на значительный хронологический разрыв между нею и последней, рассматриваемой. Это обстоятельство, но также некая приемственность от погребения 2, подтверждается обрядом погребения 3 – выкид из которого прослежен на *древнем горизонте* у СВ полы первой досыпки (рис. 27).

Погребение 3 (*ямное*) расположено между основным, перерезанным им погребением 1, а также погребением 2 – которое оно напоминало.

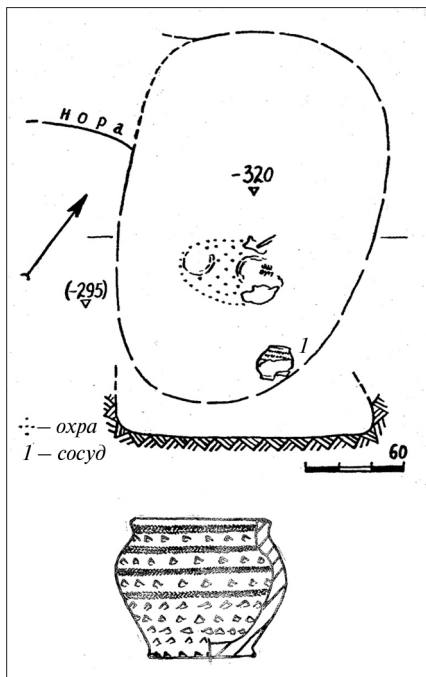

Рис. 39. Погребение 4 и сосуд из него.

Прямоугольная могила 1,75x1,5x1,3 м (дно –377): скелет пожилого мужчины, уложенного скорченно на правом боку, головою на Ю. Правая рука вытянута кистью к коленям, кисть согнутой левой – перед тазом. На дне слабые следы бурого тлена.

В придонной части заполнения могилы за спиной погребённого найдено 2 фрагмента керамики. Более выразительный 2,7x2,4x0,8 см – от венчика сосуда со стянутой горловиной, шейка которого была орнаментирована зигзагом(?) из вдавленных и пролощенных линий. Не исключено, что фрагмент происходит из погребения 1 (рис. 37).

Погребение 4 (ингульское), как и все последующие, было впущено в сформировавшуюся курганный насыпь. Оно располагалось между и немногим ЮВ погребений 2 и 3, в 7 м восточнее репера (рис. 39). Непрослеженная входная яма была направлена к центру кургана, к ЮЗ от камеры в форме неправильного овала 2,25x1,65 м (дно –320).

Ближе к наиболее короткой ЮВ стенке в придонной части заполнения обнаружены остатки черепов и др. костей двух детей, возрастом до 1 года, а на дне под ними – следы бурого тлена и охры.

За черепом старшего ребенка, у самой стены, лежал лепной плоскодонный сосуд, характерный для ингульской археологической культуры. Округлое тулово желто-бурого цвета закопчено. Оно сплошь орнаментировано отступающими оттисками конца палочки, которые вверху перемежались 4-мя поясками тесьмы. Высота сосуда 8,6 см; диаметры венчика, тулова, дна – 8,8x10,4x6,6 см.

Погребение 5 (ингульское) располагалось в 8 м ЮЗ репера (рис. 40). Округлая входная яма 0,7 м (дно –295) располагалась ЮЗ овальной камеры 1,8x1,4 м (дно –330).

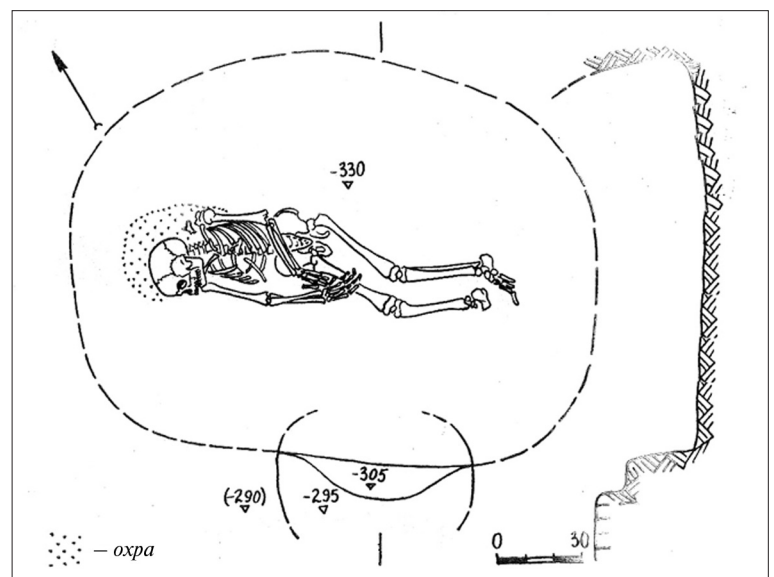

Рис. 40. Погребение 5.

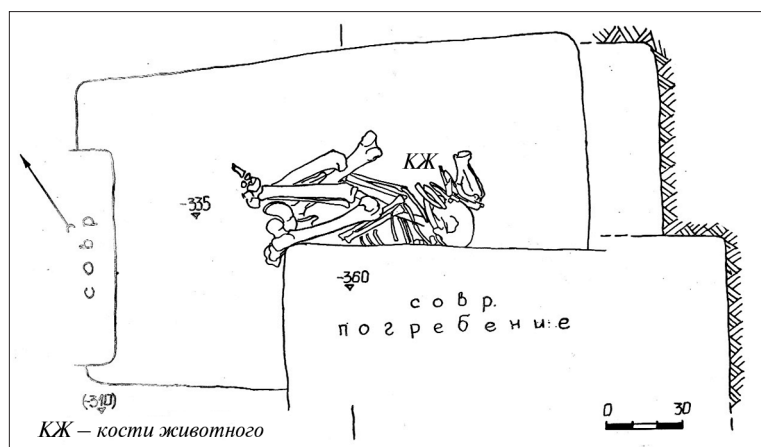

Рис. 41. Погребение 6.

Скелет женщины 15-18 лет лежал слабо скорченно на правом боку, черепом на СЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута, соединенные кисти — у правого бедра. Под черепом и позади — пятно бурого тлена и охры.

Погребение 6 (культуры многоваликовой керамики) располагалось в 11 м ЮЗ репера, перед головной частью рва святилища, сокрытого к тому времени строительными горизонтами I и II.

Прямоугольная, несколько расширяющаяся к голове погребённого яма 2x1,2-1,4 м (дно —335), содержала скелет пожилого мужчины, уложенного сильно скорченно на правом боку, головой на ЮВ (рис. 41). Колени поджаты к груди; кисти согнутых рук должны были бы находиться у подбородка — но ритуально отсутствуют вместе с нижней челюстью. При этом лицо погребенного было перекрыто грудинкой козла или т. п., лопатку которого (?) положили перед лбом покойника (рис. 41).

Позднейшее использование Кормилицы (совместно с объединённым в это время курганом № 2) относится к срубной культуре, носители которой вырыли в ней культовые ямы III и IV. Вторая из них была впущена в центр кургана, а первую расположили в 6,5 м западнее её центра (т. е. репера). Их комплекс образовал святилище II (рис. 42).

Яма III нарушила конец хвоста змеевидного рва святилища I. Прослежено круглое чашевидное дно, диаметром 1,3-1,4 м (дно —330), немного углубленное в материк. Заполнение состояло (снизу вверх) из кострища, травянистые угольки от которого встречались во всём заполнении; из желтого (костного?) и белесого травяного тлена (вероятно, от циновки); из бурого тлена и гумусного наполнения ямы. Западная треть дна была отгорожена деревянной палкой; здесь встречены невыразительные осколки костей. А в В части найдено 3 малых фрагмента лепной керамики с мелкими расчесами (среднепестовской куль-

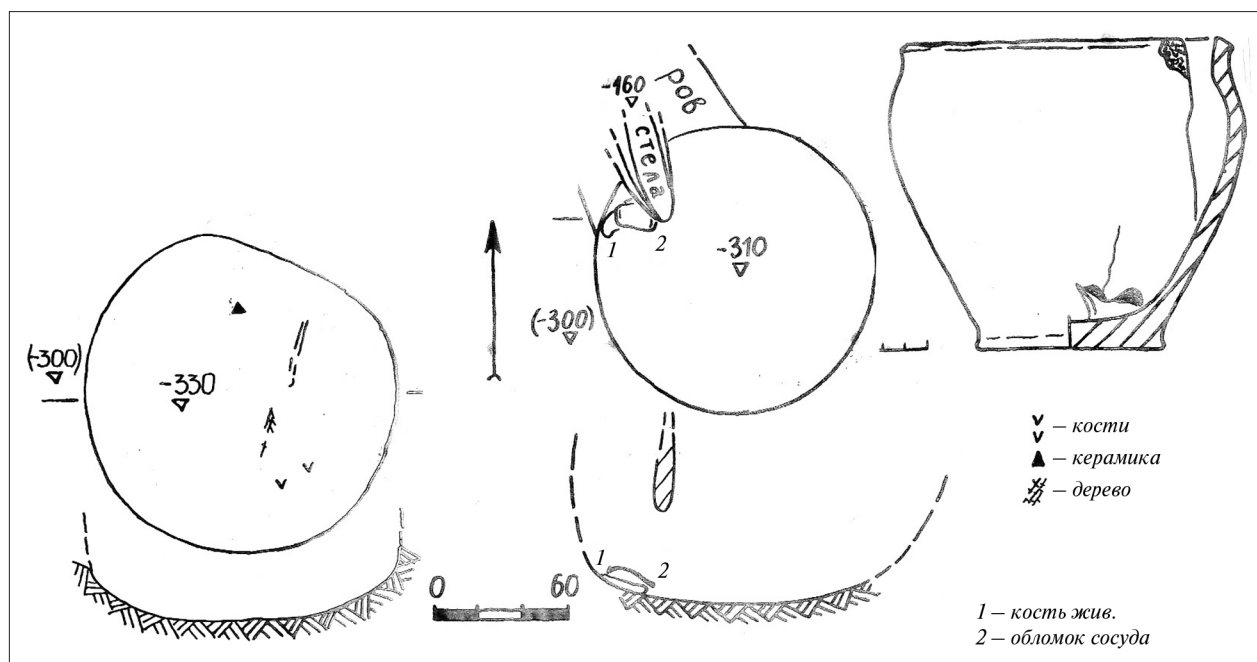

Рис. 42. Ямы III, IV и обломок сосуда из последней.

туры?) и 2 гончарных сероглиняных (XVIII в.) — очевидно, из перекопов двух нижних слоёв и нор грызунов.

Яма IV нарушила середину выгнутой части змеевидного рва святилища I, потревожив при этом его стелу Д. В профилях центральной бровки прослежено, что яму впустили с вершины кургана, и что она имела асимметричный уступ, диаметром свыше 4 м и глубиной до 2,2 м. Конфигурация и заполнение придонной части аналогичны прослеженным в другой яме. Однако, находки более выразительны. У СЗ края ямы, поверх бурого тлена, найден обломок нижней челюсти (с вынутыми зубами и следами использования) крупного животного. Обломок был перекрыт продольной половиной лепного плоскодонного сосуда баночного типа. Поверхности без орнамента, довольно гладкие, сильно закопченные. Высота сосуда 14 см; диаметры венчика, тулова, дна — около 15х16х8,5 см (рис. 42).

Пара рассмотренных культовых ям срубного времени наиболее полно отражает здесь подобные комплексы, распространившиеся в Северном Причерноморье эпохи бронзы [3, с. 95-173; 6, с. 498-504]. Мы уже сталкивались с ними в кургане № 7 у Староселья, — отметив их зарождение вместе с курганным обрядом ещё в среднестоговское время. То же самое можно сказать и о курганах у Комсомольска: предшественниками пары культовых ям III-IV Кормилицы можно считать её же культовые ямы I-II, а ещё раньше — головы и яйца змеевидных рвов в основе Цегельни.

В XVIII в. возле Кормилицы существовал хутор, погибший вследствие татарского набега. Зольно-керамический слой его прослеживается в обрывчиках СВ начала

мыса; сюда же относится и часть перекопов в кургане, разрушавшегося также (погребениями и проч.) и в XIX-XX веках.

Курган №2

располагался на одной оси с предыдущим, примыкая к его ЮЗ поле (рис. 43; 62: 3). Однако полы курганов были разделены промежутком в 6-8 м и едва намеченной (не углубленной в материк) ложбиной, что заставляет считать их самостоятельными. Диаметр и высота кургана составляли 17х0,4 м.

Под невыразительной насыпью (единовременно воздвигнутой?) обнаружено 5 полуразрушенных кротовинами ям, последняя из которых была окружена ровиком. Вероятно, что все они культовые (что можно утверждать лишь в отношении вышеуказанной), созданные носителями культуры многоваликовой керамики в промежуток между последним погребением 6 предыдущего кургана и его культовыми ямами III и IV.

Яма I располагалась в 4,5 м южнее репера. Её очертания соответствуют антропоморфной стеле 2,15х0,9-1,2х0,9 м (дно -120 — -135), ориентированной повыше расположенной головой 0,15х0,35 м на ССЗ. Сходство усиливается помещением в области сердца лопатки крупного животного, а в области чрева — чашевидного углубления 0,6х0,15 м (дно -150) с уголками в заполнении и обломком раковины у В края (рис. 44).

Яма II располагалась в 3,5 м СЗ репера. Подпрямоугольная ямка 0,9х0,6 м (дно -140), ориентирована В-З. Дно изрыто норой, ведущей в ямы III и V (рис. 45). В заполнении на ур. -115 найден фрагмент 4,5х3х0,9 см стенки красноглиняного гончарного сосуда (попавшего в яму, очевидно, случайно).

Яма III располагалась в 2 м СЗ репера. Трапециевидная яма 1,7х1,2-1,6 м (дно -160), ориентирована СВ-ЮЗ. Дно и стены изрыты норой, ведущей в ямы II и V. В заполнении на ур. -120 у ЮЗ стенки найден грубый отщеп 4,5х3,7х1,2 см серого кремня, покрытый легкой патиной (рис. 45; 47: 1).

Яма IV располагалась в 3,5 м ЮВ репера. Трапециевидная яма 1,35х0,9-1,1 м (дно -130), со скругленными углами, ориентирована наиболее узким концом СЗ (рис. 46). Здесь было начало подбоя (недорытой, возможно, могилы).

Яма V располагалась в 2,5 м ЮЗ репера, в центре невыразительного ровика, диаметром около 11,5 м по внешнему краю (рис. 45). Трапециевидная яма 2,3х1,2-1,6 м (дно -155)

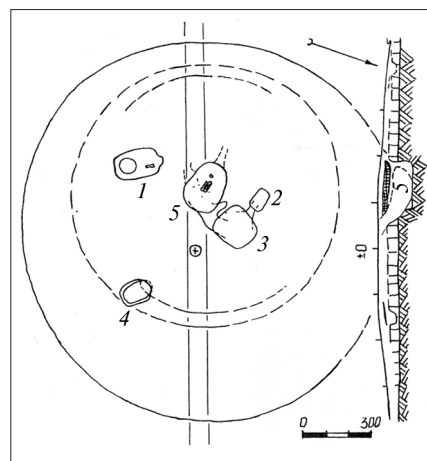
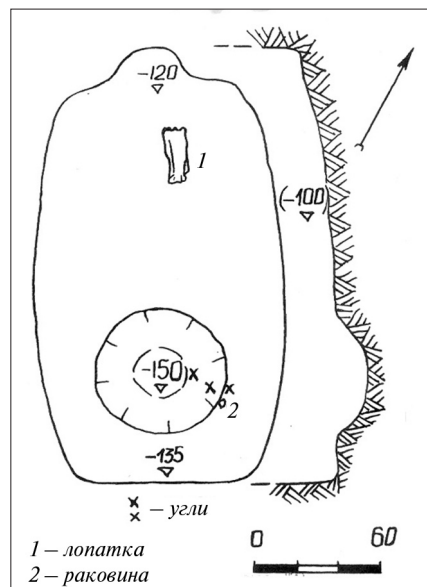

Рис. 43. План и разрез кургана № 2 у Кормилицы.

Рис. 44. Яма I кургана № 2.

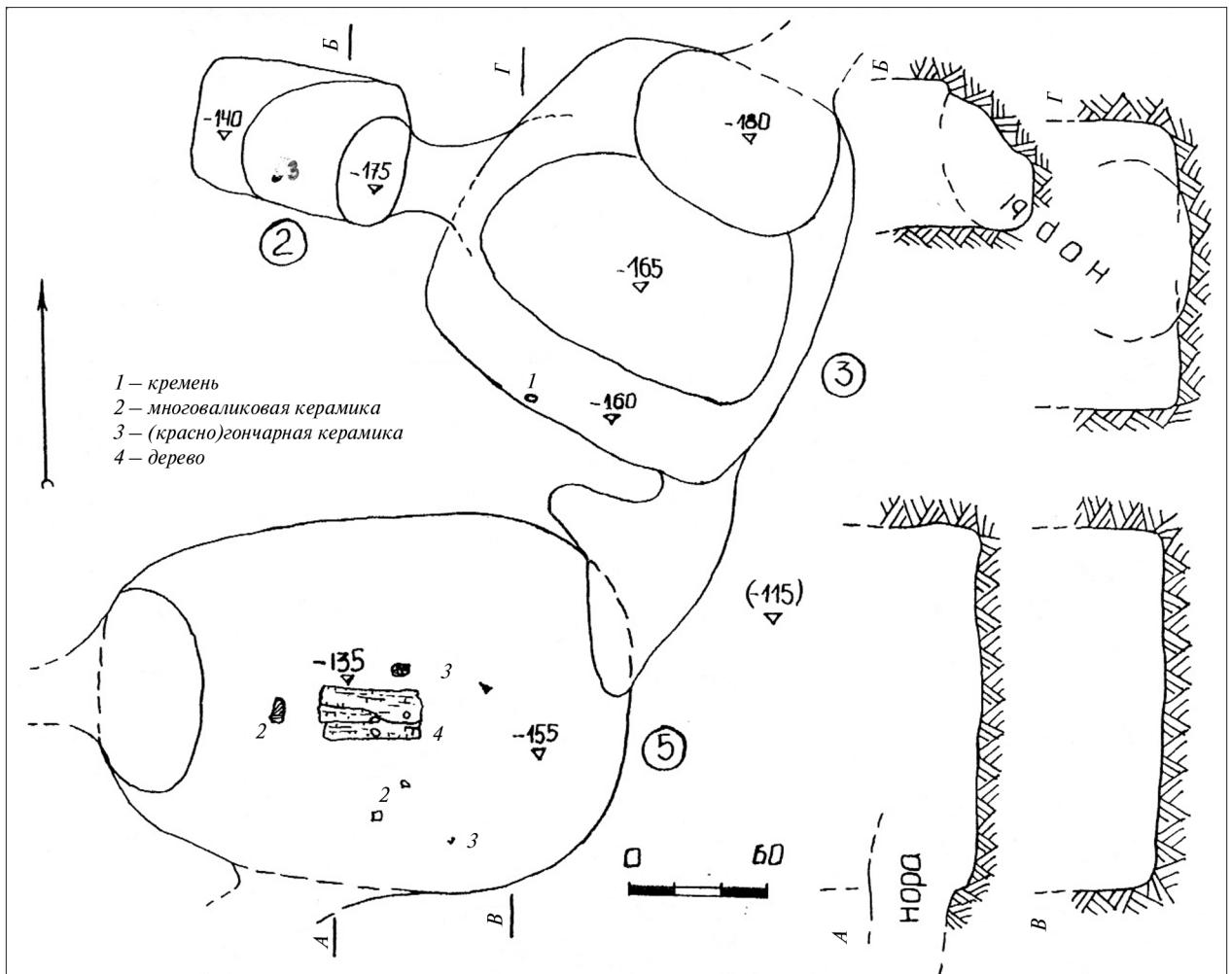
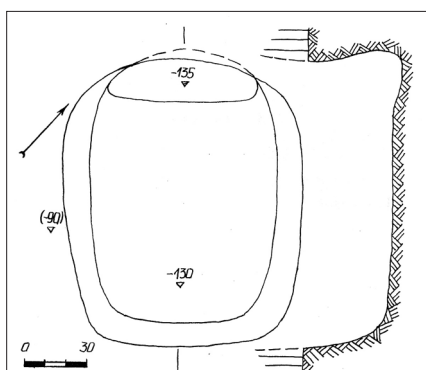

Рис. 45. Ямы II, III, V.

с сильно скругленными углами ориентирована наиболее узкой стенкой на 3.

В заполнении на 0,2 м выше центра дна, параллельно ему и вдоль оси ямы, лежало две соединенных дощечки 45x20x1,5 см, каждая из которых имела отверстие 1,5-2 см. Под ними в дне могилы – остатки вбитого кола такого же диаметра. Вероятно, всё это составляло ритуальный столик.

Рис. 46. Яма IV.

На этом же уровне, ближе к В стенке, найден хорошо сохранившийся обломок верхней челюсти взрослого человека. Не исключена связь данного жертвоприношения с погребением в основном кургана (см. описание его скелета).

В заполнении на ур. -100 – -150 обнаружено 4 фрагмента (от 2x1,5x0,9 до 10,5x5,5x1,2 см) стенок лепной черноглиняной керамики. Три наименьших из них происходят, наверное, от одного сосуда, украшенного пересекающимися и др. валиками – оттянутыми и налепными (рис. 47: 3-5).

Найдено также 3 фрагмента 4x2 – 8x6 см (наименьший – со сверлиной, свидетельством починки) стенок гончарного красноглиняного сосуда (рис. 47: 2), аналогичных

найденному в погребении 2. Вероятна их связь с вышеописанным столиком (установленным во вторично выбранной и использованной яме?).

В пользу последнего предположения свидетельствует то обстоятельство, что выкид из последней ямы (как и выкид из ровика вокруг неё) обнаружен над нею же.

Курган №3

стоял в 0,4 км к 3 от предыдущих, на сухом берегу разделившей их сырой пойменной низинки (рис. 26: 1). Он, как и Кормилица, располагался примерно в 200 м от края подступающего карьера (рис. 48). Почти не потревоженная насыпь 29х25х2,1 м содержала 2 погребения: среднестоговское и впущенное в курган позднесредневековое (рис. 49).

Погребение 1 (среднестоговское) располагалось в центре кургана, под репером. Выкид из прямоугольной могилы 1,9х1,1х1,2 м (дно –330) хорошо прослежен на *древнем горизонте*. Лишь в профиле обнаружен уступ шириной около 3 м и глубиной до 0,3 м (до уровня материка); следы перекрытия отсутствовали (рис. 50).

Судя по остаткам, скелет пожилого человека лежал скорченно на спине, черепом на ЗЮЗ. Сохранившаяся правая рука вытянута вдоль туловища, согнутые колени упали вправо. На костях слабые следы охры и бурого тлена.

Ниже таза найден уголёк, а левее – в придонном заполнении – фрагмент 3,3х3х0,7 см венчика и шейки сосуда со стянутой горловиной. Черепок серовато-бурого цвета, с расчесами на внутренней поверхности, без видимых примесей; сохранилось три ряда косых оттисков мелкозубчатого штампа.

Находка заставляет отнести погребение к тому этапу среднестоговской культуры, который (судя по фактуре ке-

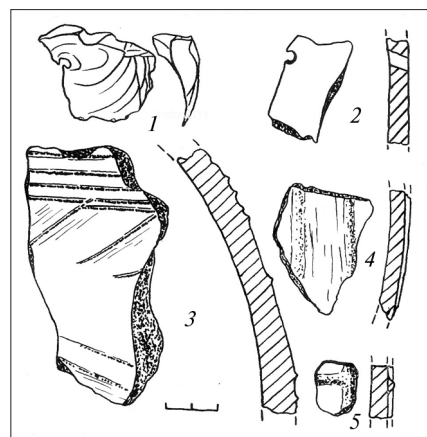

Рис. 47. Находки из ям III (1) и V (2-5). 1 – кремь, гончарная (2) и лепная (3-5) керамика.

Рис. 48. Курган Кормилица в конце раскопок (справа) и вид на рудодобывающий карьер (слева).

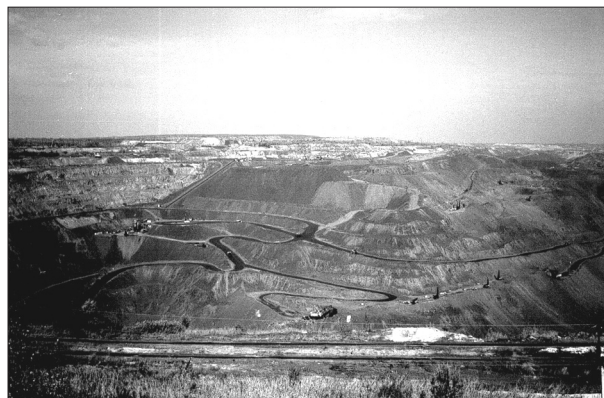

Рис. 49. План и разрез кургана №3
возле Кормилицы.

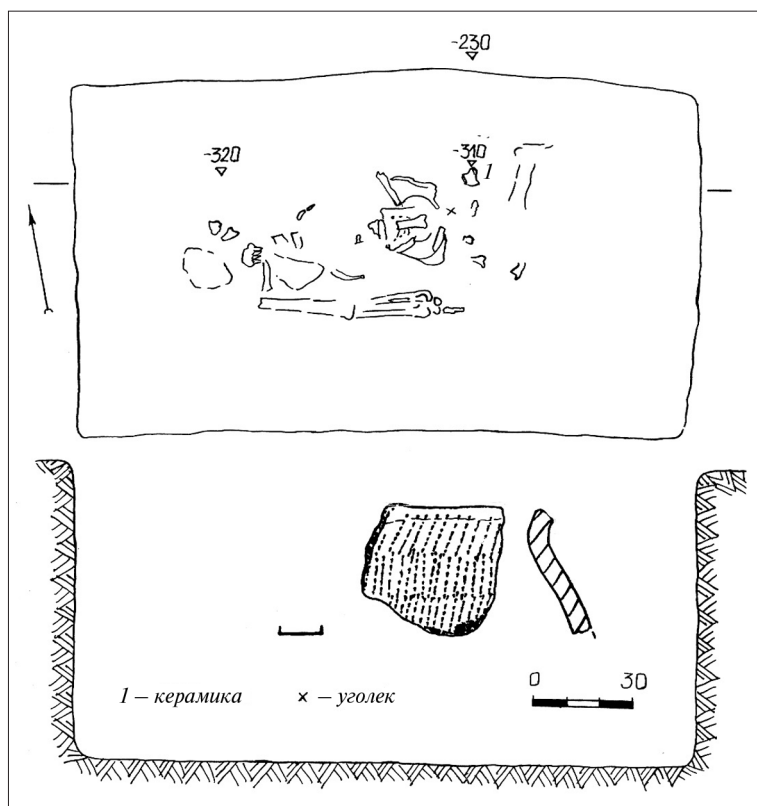
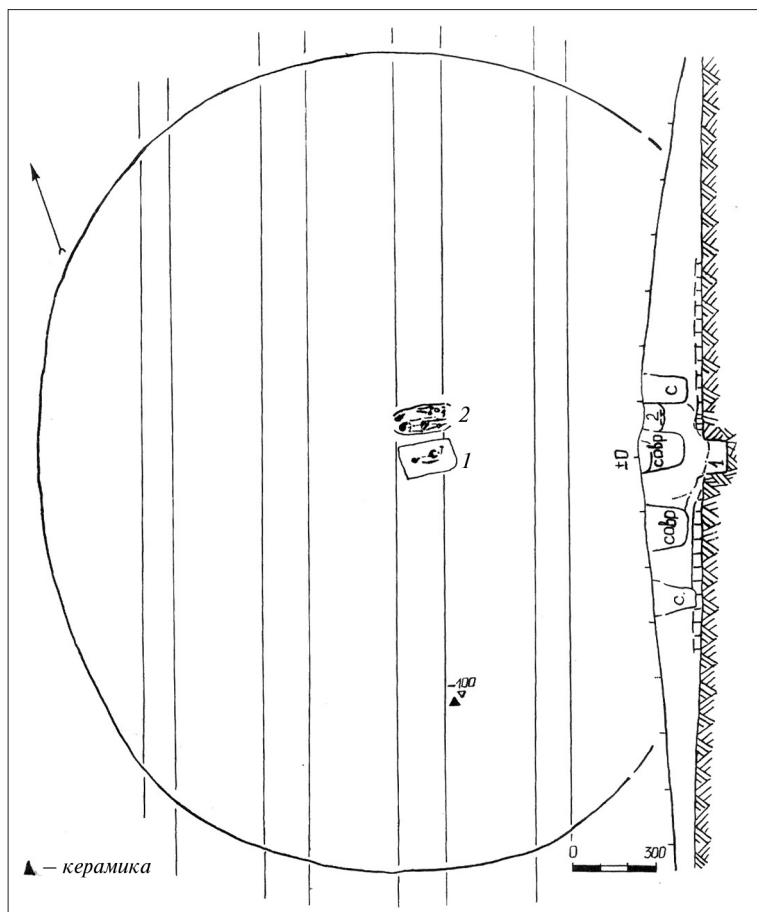

Рис. 50. Основное погребение 1
и его керамика.

рамики и орнаментике, а также по погребальному обряду) оказался синхронным или же последовал за наиболее поздними материалами I святилища Цегельни – и ненамного предшествовал однокультурному погребению 2 из Цегельни (рис. 50; ср. с рис. 7-8 и рис. 38). С учётом данных обстоятельств, рассмотренное погребение 1 может быть отнесено к этапу II-а среднестоговской культуры.

Первичная, она же единственная в кургане, насыпь (*строительный горизонт-I*) имела яйцевидные очертания, ориентацию наиболее узкой полый на ЮЮЗ (примерно в направлении головы погребённого). Насыпь из гумуссированного чернозема (с невыразительными комьями в центральной части, но аморфная и плотная у поверхности) сооружалась так, что могила некоторое время оставалась в воронке – засыпанной лишь в конце обряда.

В срубное время курган мог стать объектом почитания или же захоронения – разрушенного, быть может, погребением кочевника. В 6,5 м южнее репера в дерновом слое у полы насыпи найден обломок придонной (диаметром около 10 см) части сосуда баночного типа, с остатками прочерченной «ёлочной» орнаментации (рис. 51).

С вершины сформировавшейся таким образом курганной насыпи примерно через 5 тысячелетий было впушено позднесредневековое захоронение, аналогичное погребению 15 на вершине Цегельни.

Погребение 2 (золотоордынское) обнаружено под репером. Могильная яма (или разрушенный сверху подбой) имела овальные очертания, размерами около 1,7х1х0,9 м.

Скелет мужчины среднего возраста лежал вытянуто на спине, черепом на 3. Правая рука слегка согнута, кисть на лобке; левая вытянута вдоль туловища. Дно, отчасти и покойник, укрыты камышом. От левого плеча до ступни уложены череп и нижние части передних ног коня, ориентированного подобно покойнику (рис. 52).

Поверх левой руки и половины таза был положен колчан (1) со стрелами, направленными наконечниками (2) вдоль плечевой кости. Возле черешков стрел находились обломки двух пряжек (3), а у локтя – обломки ножа (4). У левой кисти положили кресало (5), а ниже правой, между бедрами – наконечник дротика (6). В зубах конского черепа был обломок удила (7), а под правым коленом человека и между копытами лошади – два разных стремени (8); ко второму примыкала пряжка от пут (9). Все предметы железные, – исключая берестяной колчан и кремь огнива.

2. Колчан размерами около 60х20 см сохранился плохо. Был сплетен из полос бересты.

3. Среди черешковых наконечников стрел выделяется 2 типа: 2 двухлопастные и 2 четырехгранно-ромбические. При этом лопасть одного из первых наконечников была ромбической с тупым углом жала; размеры лопасти 5,6х1,4-4,2х1,4 см, а черешка 3,2х0,8 см. Вторая лопасть – листовид-

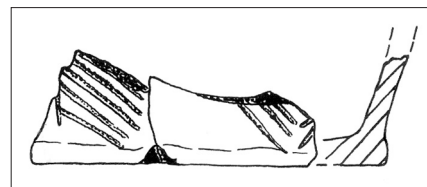

Рис. 51. Обломок сосуда с поверхности кургана №3.

ная; размеры 6x0,8-2,4x1 и 4x0,6 см. Два остальных наконечника подобны между собою; их размеры 2,8x0,7-1,6x1,6 и 5,8-6,6x0,6 см.

3. Язычковые пряжки 8-образной и полукруглой форм. Размеры рамок 4x3,2x0,3 и 3,7x3,8x0,8 см; язычков — 4x0,5x0,2 и 3,5x1x0,4 см.

4. Нож черешковый, однолезвийный, с горбатой спинкой и следами деревянной рукояти. Максимальные размеры 10,4x1,4x0,3 см; черешка — 3,5x0,6x0,3 см.

5. Обломок желтого кремня кубической формы 1,8x1,6x1,4 см, а также невыразительный обломок железа при нём.

6. Обломок втулки с деревом внутри, а также пера листовидной формы. Сохранившиеся размеры 9x2,2x0,8 см.

7. Обломки: кольца с внешним диаметром около 5 см, стержня с поперечным диаметром около 1,2 см.

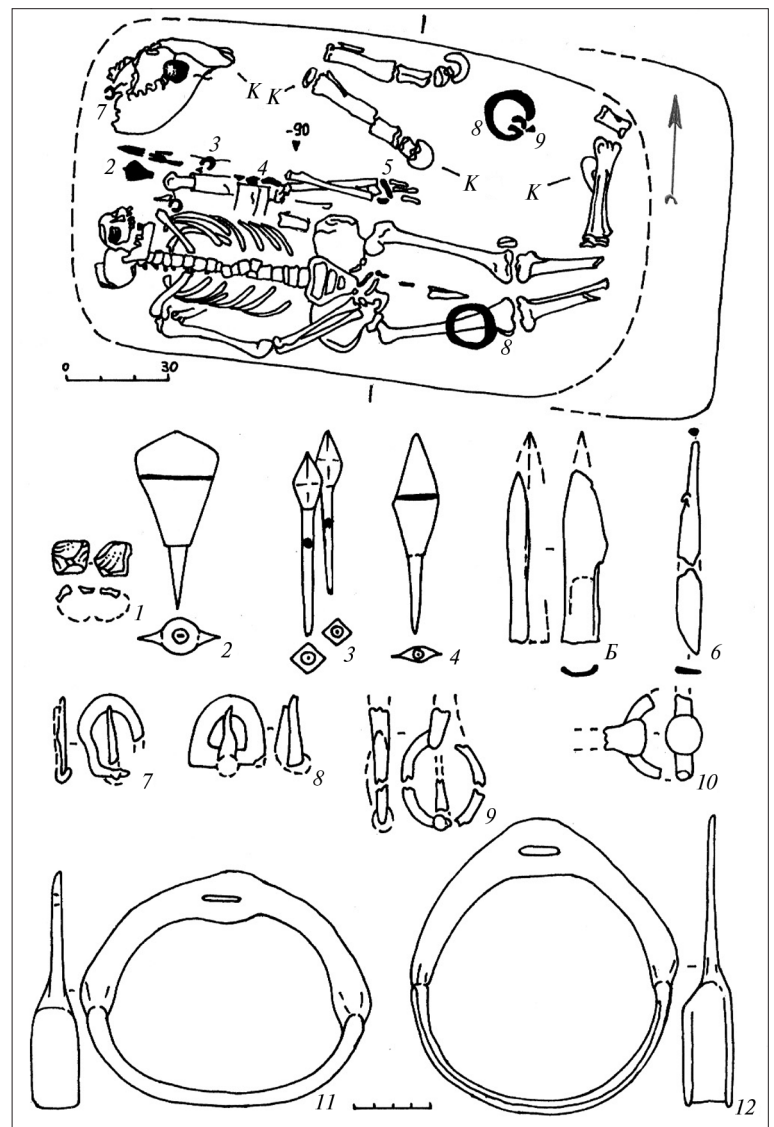

Рис. 52. Впускное погребение 2 и его инвентарь.

8. Стремена овальной формы – но одно (на колене человека) вытянуто в ширину, а второе в высоту; оба имеют щелевидные отверстия для крепления ремня и уплощенную подножку (с ребрами жесткости по краям, во втором случае). Внешние диаметры 12х14,5 и 15,4х13,2 см; ширина подножек до 2,5 см; дуг – до 2,6 см.

9. Овальная пряжка с внешним диаметром около 5,5х4 см; длина язычка около 6 см.

КУРГАНЫ ВОЗЛЕ СТАРОЙ ЧЕРВОВКИ

располагались в 4 км ЗЮЗ предыдущей курганной группы, на невысоких дюнах затоплявшейся поймы Псла (рис. 26: 2). Село Старая Червовка, стоявшее ЮВ их, уничтожено карьером ПГОКа. Отвал карьера засыпал и наибольший из 4-х курганов, занимавший в цепи крайнее ЮЮВ положение. По словам местных жителей, засыпанный курган был немалого больше кургана № 2 (см. ниже).

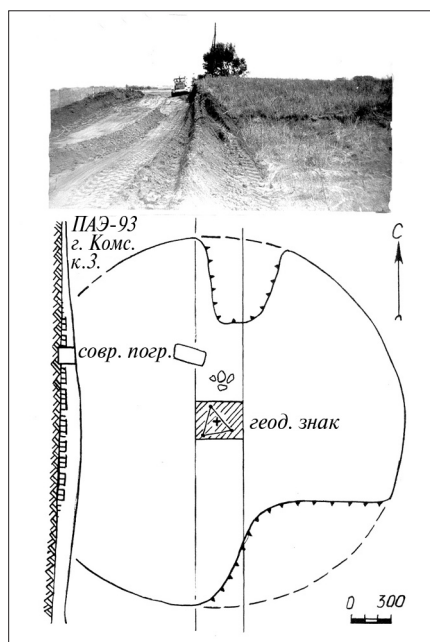
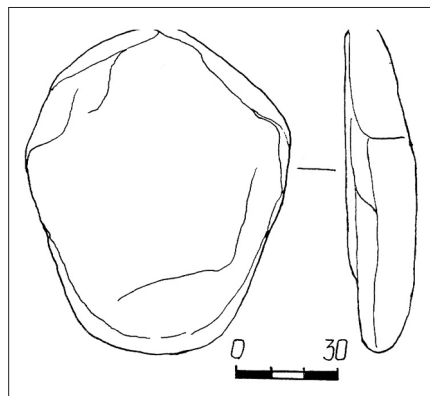

Рис. 53. План и разрез кургана №1 возле бывшего села Старая Червовка.

Рис. 54. Стела из основы кургана №1.

Курган №1

занимал крайнее ССЗ положение в курганной группе, располагаясь у СВ угла дачных участков (рис. 53).

Сегментовидная насыпь, высотой 1,2 м от *древнего горизонта* и диаметром около 28 м, была потревожена современными перекопами да геодезическим знаком. Погребений в ней не оказалось, но в центре обнаружен алтарь.

Алтарь представлял собою стелу, окруженную с В, З и Ю тремя слегка обработанными камнями неправильных призматических форм. Размеры камней — от 0,5х0,37х0,22 м и немного больше. В 6 м южнее их найден наименьший камень 0,25х0,25х0,14 м. Все камни и стела состоят из серого мелкозернистого гранита, подобного использованному в Кормилице.

Стела яйцевидных очертаний 0,98х0,78х0,22 м (рис. 54) отличается от обнаруженных в кургане Кормилица — антропоморфных, фаллических, стопообразной. Эта была уложена лицевой стороной вниз. Никаких следов жертвоприношений не обнаружено. Острый, наилучше обработанный конец стелы обращён на С, а весь комплекс — вытянутый на Ю — мог служить визиром для календарно-астрономических наблюдений за кульминацией звёзд и др. небесных светил. С подобными визирами мы уже сталкивались при рассмотрении проходов в кромлехах Великоалександровского кургана и III ровика Цегельни. Можно предположить,

что рассматриваемое сооружение принадлежит к тому же культурно-хронологическому горизонту.

Вышеописанный алтарь был перекрыт рыхлой *насыпью* из местной гумусированной супеси. Такое ядро насыпи перекрыли панцирем из илистого дёрна – взятым, очевидно, из проходящей рядом старицы Псла. Параметры насыпи отвечают современным (см. выше).

Курган №2

занимал центральное положение в курганной группе, располагаясь у СЗ стороны отвала (покрывшего, как отмечено выше, крайнюю ЮЮВ насыпь). Сегментовидная насыпь 48x40x1,8 м (несколько вытянутая по оси С-Ю) была потревожена кладбищем первой половины XX в.

В кургане обнаружены алтарь, 4 культовые ямы, обломки зернотерки и сосуда эпохи меди – бронзы (рис. 55).

Алтарь (рис. 56) в виде ящика из серого мелкозернистого гранита обнаружен под репером – условным центром кургана. Размеры камней и плиток – от 0,1x0,07x0,03 до 0,55x0,37x0,16 м. Отсутствовала ССЗ стенка квадратного ящика 0,75x0,75x0,3 м; полом служил *древний горизонт*; пе-

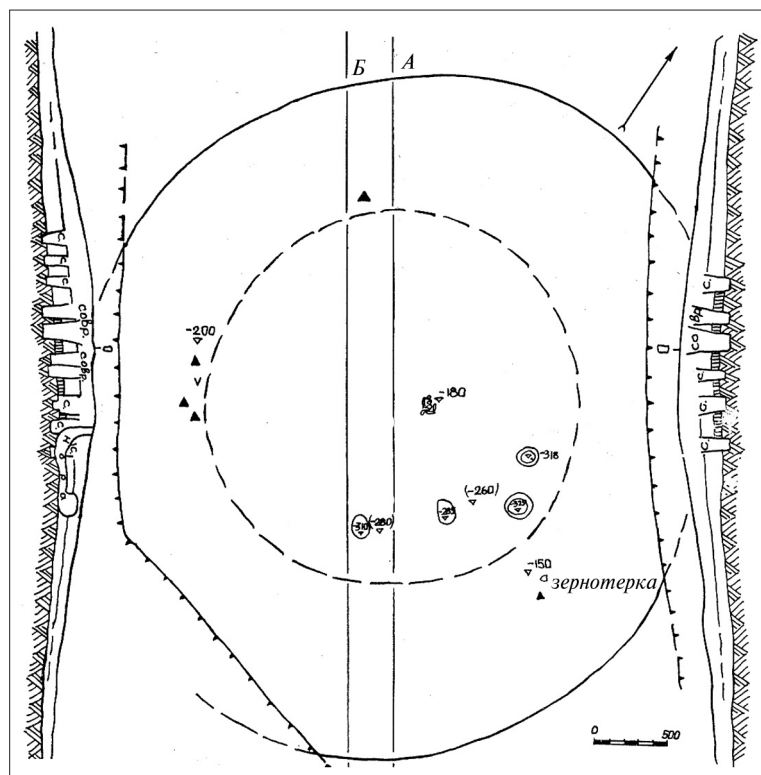
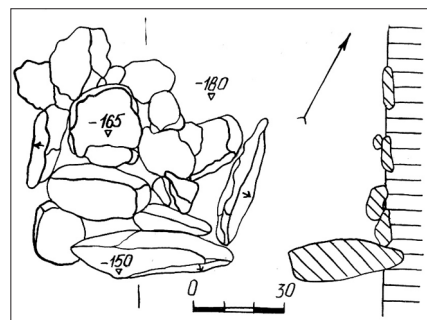

Рис. 55. План и разрез кургана №2
возле Ст. Черовки.

Рис. 56. Каменный ящик из основы
кургана №2.

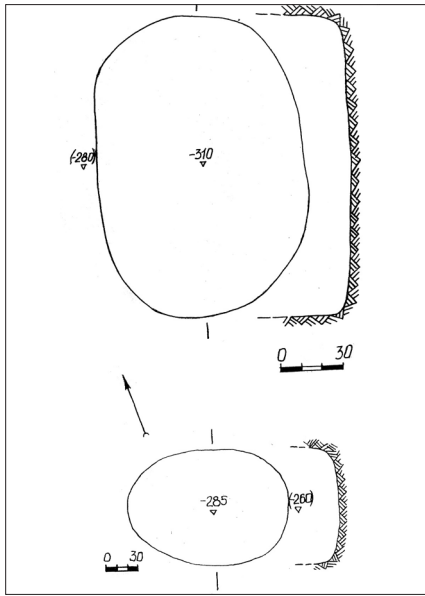

Рис. 57. Ямы I-II из кургана №2.

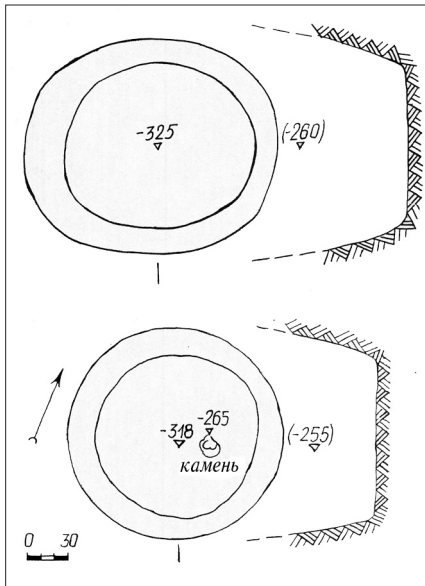

Рис. 58. Ямы III-IV.

Рис. 59. Находки из насыпи кургана №2 и около него.

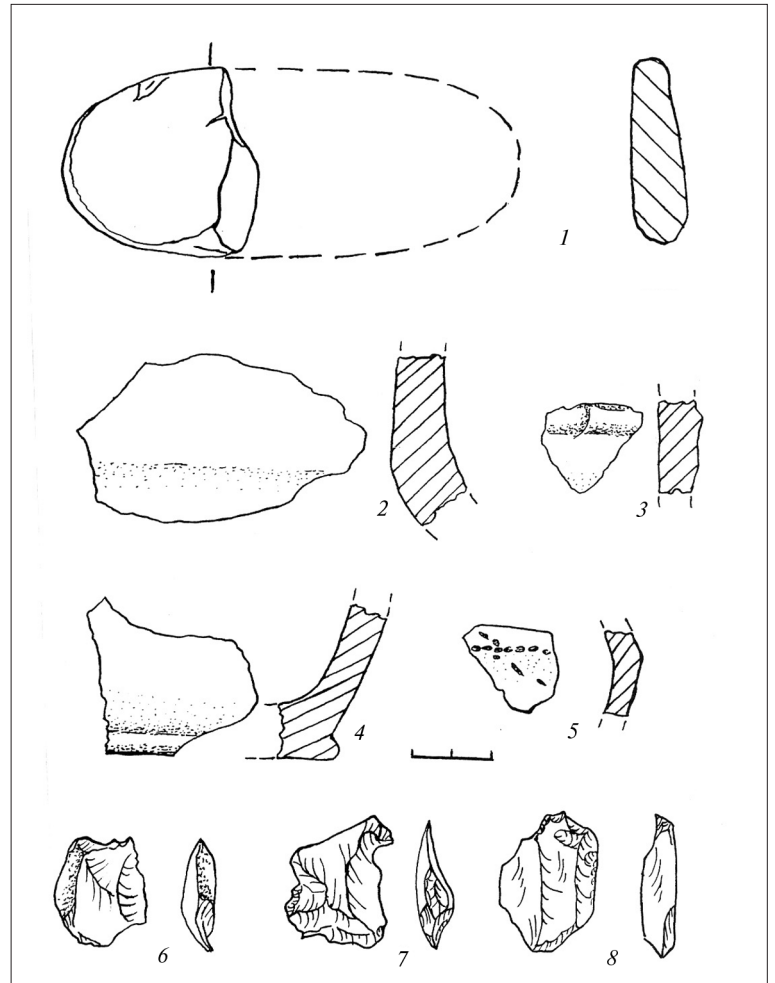
1 — обломок зернотерки;
2-5 — керамика; 6-8 — кремьнь.

рекрытие состояло, вероятно, из дерева и наброса камней. Никаких следов жертвоприношения не обнаружено.

Первичная насыпь (*строительный горизонт-I*) над алтарем имела вид сегмента, высотой до 1 м и диаметром около 25 м; её полы плавно переходили в погребенную почву. Насыпь состояла из вязкой гумуссированной супеси — взятой, очевидно, из близлежащего болотца. Поверхность неровная, в глубоких трещинах.

В восточную полу насыпи впушено 4 культовые ямы, по формам и местоположениям образовавшие две пары. Первая из них была ориентирована по оси ССЗ-ЮЮВ, а вторая — ВСВ-ЗЮЗ. При этом выкид из ямы I прослежен на склоне первичной насыпи. Не исключено, что её досыпка (*строительный горизонт-II*) перекрывает и следующую яму — а две последние были впушены в сформировавшийся внешне курган. Состав досыпки отличается от состава насыпи большей однородностью и меньшей гумусированностью (т. е. использованием близлежащего грунта).

Яма I (рис. 57: 1) располагалась в 12,5 м ЮЮВ репера, ориентирована СЗ-ЮВ. Очертания овальные 1,45x1x1,7 м

(дно –310). Никаких следов перекрытия и проч. не обнаружено.

Яма II 1,5x1,1 м (дно –285) располагалась в 11,5 м ЮВ репера. Очертания, ориентировка и содержимое подобны предыдущей (рис. 57: 2).

Яма III (рис. 58: 1) располагалась в 13 м В репера. Округлая, суженная ко дну до 1,4x1,25 м (дно –325), ориентирована СВ-ЮЗ.

Яма IV (рис. 58: 2) располагалась в 11 м восточнее репера. Очертания подобны предыдущей, но круглые диаметром 1,5 м (дно –318). В отличие от предыдущих ям и алтаря, здесь есть находка: округлый гранитный камень диаметром около 8 см.

Не исключена связь с последней парой культовых ям (особенно с близлежащей III, расположенной в 5 м СЗ) находок у поверхности кургана: обломков 33x33x9 и 4.5x4x0,9 см гранитной зернотерки (рис. 59: 1) и дна лепного сосуда баночной формы (рис. 59: 4). Не исключено, что другой обломок зернотерки найден в яме IV. Вероятная связь данной пары ям с находками позволяет отнести её ко времени срубной культуры – и синхронизировать с парой культовых ям III-IV Кормилицы.

Более ранним временем – последовавшим, быть может, за вышерассмотренным курганом № 1, но связанным ещё с центральным алтарём Кормилицы, – может быть датирован алтарь кургана № 2.

Курган №3

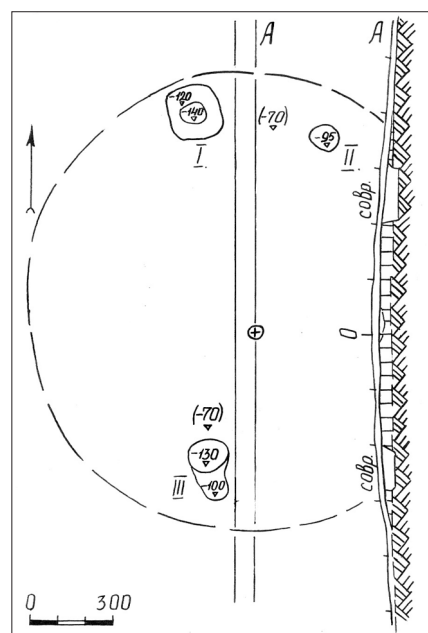
Рис. 60. План и разрез кургана №3
возле Ст. Червовки.

располагался у СЗ полы предыдущего кургана, на вершине соседней невыразительной дюны (рис. 60). Под насыпью, высотой до 0,3 м и диаметром около 16 м, нарушенной современными перекопами, обнаружено три древние ямы, которые можно считать культовыми, по аналогии с вышерассмотренными.

Яма I располагалась в 8 м севернее репера. Овально-подтреугольное углубление 1x0,7x0,2 м (дно –140) было окружено уступом 1,9x1,8x0,4 м квадратных очертаний, со скругленными углами. Яма ориентирована ЗЮЗ-ВСВ. Никаких следов перекрытия и проч. не обнаружено.

Яма II 1,1x0,85 м (дно –95) полукруглых очертаний располагалась в 7,5 м ССВ репера. Заполнение, как и в остальных, состоит из плотного гумуса со следами затёков.

Яма III располагалась в 5 м южнее репера. К овальному углублению 1,5x1,1 м (дно –130) с Ю стороны подходило другое углубление 1,1x1,3 м (дно –100); совместно они образовывали подобие подбоя.

Ввиду отсутствия находок, определение кургана затруднено. Конструкция ямы III, подобная могиле 14 Цегельни, позволяет предполагать отношение этой ямы к культуре многоваликовой керамики. В таком случае рассмотренный курган мог непосредственно предшествовать культовым ямам III-IV кургана № 2. Ко времени тех и другого могли относиться фрагменты лепной керамики да грубые кремневые скребки, найденные на поверхности и в окрестностях двух этих курганов (рис. 59: 2-3, 5-8).

* * *

Итак, все исследованные нами курганы оказались возведены в эпоху энеолита и бронзы. В них обнаружено 2 святилища среднестоговского, 3 ямного и 2 срубного времён; более 10 их же культовых ям, а также 23 погребения. Культурно-хронологическая последовательность их такова: 2 среднестоговских, 2 засушинских или постмариупольских, 2 нижнемихайловских (1 из которых могло быть трипольским); 5 ямных; 1 катакомбное, 4 ингильских; 2 многоваликовых; 2 золотоордынских погребения были впущены с вершин сформированных курганов, а на вершинах одного из них (Цегельня) и еще двух располагались православные кладбища XVIII-XX веков. Возле Кормилицы обнаружены остатки казачьего хутора XVIII в.

Литература

1. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. – К. : Наук. думка, 1974. – 176 с.
2. Михайлов Б. Д. Петроглифы Каменной Могилы на Украине. – Запорожье : ИПК «Запоріжжя», 1994. – 196 с.
3. Синюк А. Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж : ВГУ, 1983. – 192 с.
4. Супруненко О. Б. Кургани між сс. Дуканічі та Солонці на Нижньому Пслі. – Старожитності околиць Комсомольська. Частина IV. – К.-Полтава: Вид-во «Гротеск», ВЦ «Археологія», 2006. – 128 с.
5. Черныш Е. К., Массон В. М. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С.165-320.
6. Шилов Ю. А. Прародина ариев. – К.: СИНТО, 1995. – 743 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существенные принципы исследования

В чем важность курганов у Комсомольска, материалы раскопок которых изложены в данной книге? Чем эти 8 насыпей отличаются от тысяч других, более столетия (со времён Д. Я. Самоквасова и В. А. Городцова) всё более внимательно исследуемых археологами как в Степном Поднепровье, так и далеко за его пределами?

Ответить на поставленные вопросы можно формально, не углубляясь далее археологического вещеведения. Но постараемся ответить существенно, стремясь к раскрытию исторической подоплеку исследуемых памятников.

Начнём с древнейших названий местности, сопоставимых со временем возникновения рассматриваемых курганов (рис. 1, 2, 26). Они возвышались над поймами *Псла* и *Кобылячка* (укр. 'кобиляча річечка'), наименования которых несут печать древних этнокультур и рассматриваются Ю. Л. Мосенкисом в «Трипільському прасловнику української мови» как доиндоевропейские [15, с. 29-31, 50]. При этом к первому применено «шумерське чи навіть дошумерське субстратне *Абзу / Апсу* «прісна водна безодня»; второе же (со ссылкой на О. Н. Трубачева [27, т. 2, с. 348-353]) сопоставляется «з іменем фригійської матері богів — *Kybele* (див. *Купала*), враховуючи й мікенський титул великої богині *po-ti-ni-ja i-qe-ja* «володарка коней». В этом же словаре рассматривается этимология слова *могила*, как украинцы обычно называют *курганы* или же похожие на них возвышения. К праслав. **mogyla* 'холм, могила' ближе всего однозначные албан. *magulle* и румын. *tagura* (укр. диалект. *магура*), «котрі, як вважається, походять зі спільного балканського субстрату». Более архаическая форма (до)греч. *me(a)gara(-on)* означает 'пещеру; святая святых храма', что сопоставимо с содержимым курганов. Оба названия можно вывести из протошумерских надписей Каменной Могилы [11, с. 681-696 и др.], послужившей, вероятно, прообразом «степных пирамид». Так, (прото)шумер. *me-gal* — это 'великое предназначение'. А *kur*-'гора', в сочетаниях с *-gana* и *-gi-nu*, означает 'преображенное поле' и 'край-без-воз-

врата, преисподняя'. В этих же надписях часто фигурирует БОГ-Творец Энлиль, характернейшим эпитетом которого был Кур-галь – 'Гора великая' [13, т. 2, с. 662-663]. Указанием единства традиции *кур-галя* – *кургана* является славянское (известное и другим индоевропейским народам [4, т. II, с. 21-27]) весеннее празднество Леля «Красная горка», под которую избирают обычно курганы. Подобным образом местное население донныне почитало Цегельню, Стоббувату Могилу и некоторые другие из упоминаемых ниже памятников.

Переходим к анализу места закладки основных курганов: Цегельни, Кормилицы, Стоббуватой Могилы (раскопанной в 2004 г. под руководством А. Б. Супруненко). Вспомним, прежде всего, о здешней (у с. Келеберда) переправе через верховья Днепровских Порогов да проходящем в этом краю пограничье степи и лесостепи. Затем обратим внимание на размещение указанных курганов на высоких концах мысов над поймой Сухой Кобылячки. Этим можно было бы и ограничиться. Однако трагические события в дни раскопок 1993 г. [35, с. 622-625; 38, с. 123-131; 39, с. 7-8, 16-18 и др.] заставили вспомнить о геомагнитной аномалии местности [2, с. 9-11, 40-47] и обратиться к рассмотрению энергетики раскапываемых памятников.

Рассмотрение – при участии геолога Р. С. Фурдюя, изучающего также мегалитические сооружения [29, с. 146-183] – аэрофотоснимков да геоморфологического плана местности открыло существеннейшую причину и размещения, и конструктивно-обрядовых особенностей основных курганов. Оказалось, что их встроили в точки пересечения окончаний мысов с активными периметрами «мантийных каналов» (рис. 1). Они высверливаются в мантии Земли и др. «торсионными полями» 'вращения', исходящими от Солнца и проникающими к центрам планет; эти поля связаны как с гравитацией, так и со структурой Информационного ПОЛЯ Вселенной [1; 17]. Циркулярноправильные входы и выходы мантийных каналов видны на поверхности земли не только при помощи современных приборов, но также по особым скоплениям трав и грибов – именуемым в народе «ведьмиными кругами». Главные круги у Комсомольска расположены вдоль клиновидного разлома, острие которого упирается в левый берег Днепра восточнее Келеберды, между селами Карповка и Мотрино. Цегельня и Кормилица находились на С-3 и З-ЮЗ участках периметров малых кругов; между ними находится большой круг, СС-3 участок которого занимала Стоббувата Могила [37, с. 621-623, рис. 260].

Геофизикам известно, что энергетика мантийных каналов особо сильна не на площади, а на периметре круга. Троекратное повторение закладки главных курганов района на точках пересечения таких периметров с концами мысов – случайным не назовешь, слишком мала вероятность

случайности такого повтора. К тому же исследователи уже обратили внимание на некую взаимосвязь между скоплениями мантийных каналов и археологическими объектами особой значимости, вроде зауральского Аркаима [24, с. 96-97]. А историкам науки известно, что уже в древнем мире умели использовать особую энергетику «ведьминских кругов». Шумеров учил такому искусству некий Дион — человек «светлый, мудрый и вечный», умевший слушать «биение сердца Великого Космоса» и различать «настрое-ние Кругов Общения с Высшим, Божественным» [24, с. 95]. Мантийно-торсионные структуры объясняют первопричину распространения округлых и дуговидных, в частности, змеевидных форм культовых сооружений. Так, Л. Шарпантье ссылается на сакральные знания древних жрецов-друидов, представлявших потоки земной энергии в виде змей. Р. С. Фурдурем и др. выяснено, что каменные стелы, кромлехи, дольмены и т. п. служили при этом своеобразными аккумуляторами и усилителями, действовавшими «подобно магнетрону, генерирующему микроволновые энергии..., в них действительно возникали особые состояния, озарения, исцеления и пр.» [28, с. 77].

Итак, следует признать преднамеренность выбора указанных точек жрецами, причем именно вследствие естественноэнергетических аномалий (в районе есть ведь и другие мысы, удобные для закладки курганов). Тогда разнообразные рвы, каменные и грунтовые конструкции, могилы, быть может положения покойников и др. элементы обряда надо считать связями между его *вещественными проявлениями* и *полевой основой* материального мира. Не стоит сейчас гадать (а следует накапливать факты), какие эффекты извлекались при этом; ограничимся конечным, наиболее очевидным из них — «считыванием» жрецами Информационного ПОЛЯ. Наличие такого считывания было обнаружено санскритологом Ф. Б. Я. Кейпером, авторитетнейшим знатоком индоарийских Вед. Исследователь их лексики, персонажей и сюжетов сделал вывод о бессознательном проникновении жрецов в подсознание и извлечение из его «пренательной ('предшествующей рождению') памяти» *змеевидных* и прочих образов яйцеклетки и *сперматозоида*, зачатия и *эмбриона* — явившихся основой главного, нового мифоритуала ариев с участием яйцевидного Вала и змия Вритры, героя-змиеборца Индры и БОГА-Творца Вишну [10, с. 112-146]. Это специфическое «убийство дракона как героический подвиг представляет собой широко распространенный мифологический мотив», особо присущий индоевропейским, но известный и прочим народам. Архитектурно-обрядовые особенности Цегельни, Стобуватой Могилы, Кормилицы предоставили осязаемые соответствия данным литературным образам. Местоположения же этих курганов открывают завесу над главным способом проникновения жрецов в подсознание и про-

чие тайны Мироздания; до этого был известен лишь способ с применением наркотического сомы-‘хмельного’ [10, с. 147-158 и др.]. Через «мантийные каналы» и «торсионные поля» приоткрывается также реальность ноосферы и потустороннего (*полевого*) мира [35, с. 623-625; 36; 37, с. 621-636; 39], не учитываемого ныне исследователями древних могильников и святилищ, т. е. археологами-*вещеведами*.

Отметим и то обстоятельство, что курганы Цегельня, Кормилица да их окружение стали едва ли не первыми (не считая курганов у Староселья, где раскопки проводились с 1972 г. и материалы начали обобщаться с 1981 г., но были завершены – и раскопки, и обобщения – лишь в 1995 г.), рассмотренными как *целостный источник* [30; 31; 32; 35; 40]. Это произошло благодаря органическому воссоединению с 1) инвентарем и 2) погребениями (совокупность которых исследуется археологами с начала XX в., со времен В. А. Гордцова) еще и 3) курганной насыпи. Такая источниковедческая целостность кургана предоставляет возможность анализировать его методом семиотики – науки о знаковых системах. Система 1-3 позволяет археологически реконструировать отраженные в досыпках кургана мифоритуалы (по Ю. А. Шилову), ключем к историзации которых являются тексты ранее изученных мифов (по Ф. Б. Я. Кейперу и др.).

Метод семиотики, выдвинутый лингвистами и впервые примененный в археологии В. Н. Даниленко [7, с. 108-157], уже применён и в анализе курганов [31; 35] – получив здесь высокую оценку со стороны ведущего лингвиста и ариеведа О. Н. Трубачева [25; 26, с. 318]. Новое направление было одобрено и главой археологической науки конца XX в. академиком Б. А. Рыбаковым: «Предки арийцев жили в Поднепровье. (...) Есть все основания предполагать, что «Ригведа» зародилась на берегах Днепра. В русской летописи упоминается слово «останцы». Это те, кто остался жить, хотя племена отправились в Индию. Мой призыв к украинцам: займитесь изучением санскрита, по языковым признакам найдите среди своих племен «останцев» и восстановится связь времен» [18, с. 3].

Энеолитические основы исследованных курганов

Материалы Цегельни, Кормилицы и последующих курганов подтвердили данные близлежащих Раковского и Деревинского поселений о формировании в районе Келебердянской переправы среднестоговской, а затем ямной

культур – на основе местного неолита (сурско-днепровского и днепро-донецкого происхождения) «специфической группы левобережных памятников» [20, с. 48-54]. Подтвердилась также гипотеза о появлении курганного обряда в процессе данного формирования [7, с. 30-34]. Попытка связать [20, с. 55] начало строительства древнейшего кургана, Цегельни, с дереивской фазой (период II-b) среднестоговской культуры сомнительна – ввиду отсутствия в керамическом комплексе основы памятника шнуровой орнаментации; надежнее принять за указанное начало рубеж среднестоговской и квитнянской фаз (I-b – II-a).

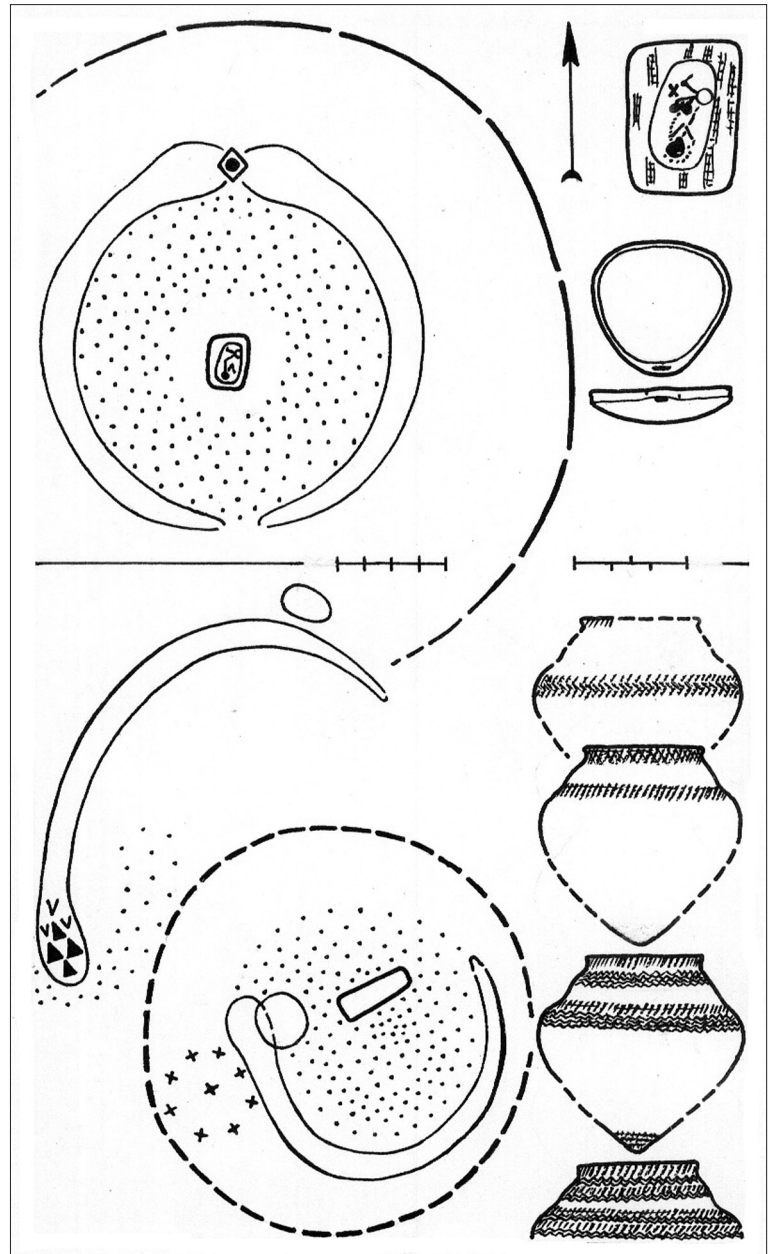
Уже первая публикация А. Б. Супруненко и др. материалов раскопок могильника у Стовбуватой Могилы подтвердила наличие в исследуемом районе древнейших подкурганных погребений ранних среднестоговской и постмариупольской культур. Поначалу [2003 г.: 21, с. 131-132 и др.; 22] их памятники обнаружили указанную последовательность (отвечающую строительным горизонтам 0-I Цегельни), но впоследствии (раскопки 2004-2005 гг.) обнаружили факты обратной стратиграфии (как и в 0-I Кормилицы); в целом же открылась картина сосуществования «постмариупольцев» (или культурноисторически предшествовавших им «засухинцев») с довольно ранними «среднестоговцами» додереивского, квитнянского времени (фаза II-a).

Керамика, особенно обломки четырех корчаг у головы змеевидного рва Цегельни обнаруживает мифоритуал «кормления Змия», четыре длительных (многолетних?) периода которого отразилось в типологии орнаментики соответствующего количества корчаг (рис. 61: 1-4). Это было докурганное святилище-I без погребения. При втором «Змие» (погр. 1 постмариупольского типа) обнаружены лишь слабые следы «кормления», зато проступили новые элементы мифоритуала, связанные как с основной композицией, так и с появлением могилы да кургана (рис. 61: а, б). Погребение оказалось символическим, кенотафным. Не исключено, что скопление гранитных камешков между пустой могильной ямой и головой змеевидного рва выражало известную этнографам идею «рождения героя из камня». Изначальным местоположением зародыша выступает, по-видимому, не могила, а яма-«яйцо» у головы мифического существа. Кострище с другой, левой её стороны находится в дуальной оппозиции к яме – как огонь и вода (во всяком случае влага, которая так или иначе присутствовала в яме). Отношение «родившегося-воскресшего» покойника к «Змию» неясно.

Комплекс погр. 1 Цегельни сопоставим с основой Кормилицы (рис. 62: 6-8) – тоже имевшей змеевидный ров с «яйцом»-алтарем посередине, а также зольник, каменные стелы и проч. да погр. 1 постмариупольского типа (за пределами святилища, но зато с погребенным). Образ и судьба покойника, его общественный статус (избранного, для

Рис. 61. Строительные горизонты 0-II кургана Цегельня. а — основное святилище; б — первичная насыпь; в — 1 досыпка первичной насыпи. 1-4 — сосуды из святилища; 5 — погребение 2 и сосуд из него.

мифоритуала, жрецами героя) проступают в оформлении стел, соотношении их со «Змием с яйцом» и в манипуляциях с ними. Соответствующие факты и археологическая реконструкция мифоритуала описаны выше. Теперь воспользуемся литературным ключом семиотики. Он заключен в Ригведе (РВ [16]), древнейшей из индоарийских Вед.

Итак, в I святилище Цегельни почитался «Змий», дольствовавший жертвоприношениями в сосудах. Он сопоставим с образом ведического Вритры, охраняющего зародыш новогоднего мироздания Валу [РВ: I.54,10; IV.20,6]:

*Стоял мрак, мешающий основе вод.
Страшный проломитель (пещеры Вала),*

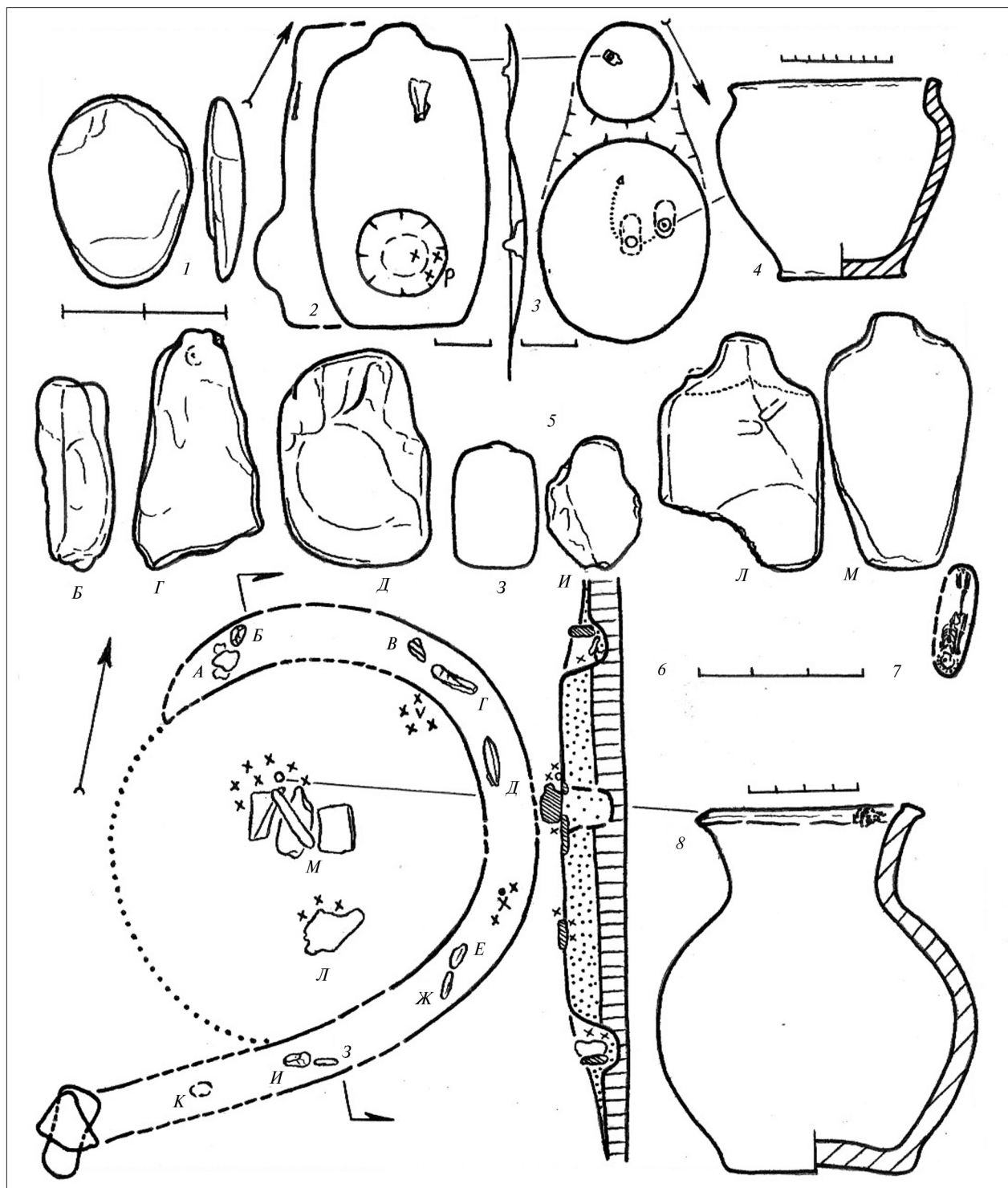

Рис. 62. Основное (5-8) и позднее (3-4) святилища Кормилицы и соседнего кургана №2 (2-3), а также стела (1) из кургана №1 возле Старой Червовки.
 1, 5 — стелы; 2 — культовая яма; 3 — курган №2 и верхний строительный горизонт Кормилицы; 4, 8 — сосуды из основного (8) и позднейшего святилищ кургана Кормилицы; 6-7 — основное святилище и одновременное погребение 1.

*Гора (была) во внутренностях Вритры.
Словно крепкого загона для скота,
Всё, что было устроено запрудителем рек...
Переполненного добром, как бадья водой...*

А «Змия» основы Кормилицы ублажали и человечиной, и идолами божеств. Те с ним боролись. Так, конструкция и семантика змеевидного рва отражает образ чудовища, голова которого образована стопообразной ямой, перекрытой треугольной плитой. Композиция сопоставима с особенностями более реалистического изображения в «Гроте Дракона» Каменной Могилы – где помимо головы «дракона Вритры» есть изображение лука и стрел, которыми «Индра убил перворожденного из драконов», а также знак «ступни на голове» чудовища [14, с.105-107, 200-201], «поверженного стопою Вишну» [37, с. 121-122]. Дополнительные детали композиции «отражают календарные циклы» (Б. Д. Михайлов); в целом же она вполне сопоставима с ведическим сюжетом [РВ IV.18, 11]:

*Тогда сказал Индра, собираясь убить Вритру:
«О друг Вишну, шагни пошире!»*

Вместе с тем, особо тесная связь Вритры с Вишну заставляет вспомнить Змия-Вседержителя Шешу, на котором – словно на ложе над волнами изначального Океана – поживает БОГ-Творец Вишну [13, т. 2, с. 642]. Более выразительные свидетельства его почитания обнаружены А. Б. Супруненко в Стовбுவатой Могиле (2004 г.). Кроме того, в мифоритуале основного погребения 10 кургана № 1 у с. Дуканичи (неподалеку от с. Пидлужья-Солонцы, раскопки 2005 г.: [22, с. 31-37, 72-74]) была использована пара стел – антропоморфность и стопообразность которых вполне сопоставима с парами стел из святилища Кормилицы, одна из которых (Д) также была стопообразной. Мифологема Океана – ведической Салилам, 'Вязкой пучины' – подчеркнута здесь использованием в ритуале пойменной дюны (естественного «кургано-подобного пагорба»), а затем ила [22, с. 31, 36-37]. В целом комплекс указанного детского погребения 1 кургана № 1 сопоставим с отдельными особенностями погребений 2 и 3 Цегельни, а также святилища I да погребений 1 и 2 Кормилицы – раскрывающими узкохронологический (фаза II-а среднестоговской культуры) контакт носителей вышеназванной, постмариупольской, трипольской и нижнемихайловской культур. Этот вывод подтверждается находкой при рассматриваемом ребенке статуэтки серезлиевского типа [22, с. 32, 36, 73-74], специфическая стреловидность которой сопоставима в данном случае с ваджрой змиеборца Индры. А дополнительным атрибутом Вишну явились «решетки майже прямої обструганой

палочки з м'якої породи дерева, довжиною 12, 3 см і діаметром 0,7-0,9 см, на якій відзначене фарбування вохристою масою у вигляді вузьких і широких смуг» [22, с. 32, 36], символа посоха названого БОГА-странника.

В Кормилице помимо стопообразной ямы да стел, отвечающих антропоморфности Индры и Вишну, обнаружены также стелы, сопоставимые со специфическими атрибутами данных Героя и БОГА. В первом случае — это *фаллические* (как палица-*'ваджра'* Индры) стелы Б, Г, И; во втором — стопообразная стела Д. К тому же в гимнах Ригведы [РВ VI.69 и др.] рассматриваемые персонажи нередко выступают в неразъемлемой паре — как и все (исключая потревоженные позднейшими перекопами Д и К) найденные здесь стелы (рис. 62: 5-6):

*О Индра-Вишну, (вот) это удивительно у вас:
В опынени сомой вы (всегда) шагали далеко (...)
Вы распространили просторы, чтобы (мы) жили.*

Помимо признаков «победы змиеборцев над Вритрой», обнаружены и противоположные признаки — в Кормилице преобладающие. К первым можно отнести указанный знак «стопы Вишну на голове Вритры» да периодическое (новогоднее?) «воскресение змиеборцев» — 7-кратное *повторение установки* всё новых пар стел на алтаре. А ко вторым признакам: *соответствующие низвержения* старых пар, следы ударов и огня на них, закапывание их в ров («в утробу Вритры») вниз головой. Мотив такого поражения Индры (и Вишну?) хоть и не акцентируется, но всё же присутствует в Ригведе [РВ I.32:3,14]. Он соответствует сохранившемуся в Индии обычаю устанавливать в канун нового года изображения божественного героя, а спустя 7 дней — низвергать.

*Щедрый схватил метательный снаряд — ваджру.
Он убил его, перворожденного из змиев...
Какого мстителя за змия (Вритру) увидел ты, о Индра,
Что в сердце к тебе, убийце, проник страх,
Когда девяносто и девять потоков
Ты пересекал, как испуганный орёл — пространства?*

Мотив «пожирающего Вритры» особенно выразителен в жертвенном человеческом черепе между стелами Д и Е, что сопоставимо со следами ударов на голове Г и З, а также на плече Л. Это соответствует ранениям змия Вритры, нанесённым героем Индрой [РВ I.32,6]. Обратность данного признака в мифоритуале святилища не должна нас смущать, т. к. известно ведическое (и др.) отождествление убийцы с жертвой, некоторая их взаимозаменяемость.

В составе жертвоприношений — помимо отмеченных выше огня, головы человека, стел с признаками календарного «рождения да умирания» Героя и БОГА — прослежены также: подстилка-циновка, сосуд для возлияний, кости ног

мелкого парнокопытного. В Ригведе они отвечают ‘молитвенному’ брасману, козлоподобному знатоку путей и воскресителю Пушану, вместилищу Сомы — напитка бессмертия. Они коррелируются с жертвенной головой — знаком творения мира и касты жрецов-брахманов. Согласно гимну [РВ X.90, 12-14] о космогоническом жертвоприношении титана Пуруши, ‘Человека-мужчины’,

*Его рот стал брахманом...
Из головы развилось небо,
Из глаза солнце родилось,
Из ног — земля, стороны света — из уха.
Из уст — Индра и Агни...
Так они (Боги) устроили миры.*

В целом очевидно стремление жрецов поддержать, возвысить, воскресить триаду жертвы-Героя-БОГА. Их периодическое поражение-победа, как и отмеченная периодичность «кормления Змия» в основе Цегельни, диктовалось годовым и др. циклами: концом старого и началом нового. В конечном счете решалась проблема, основная для культур всех времен и народов: снятие противоречия между бытием-и-небытием. Попутные (см. выше) снятия противоречий между веществом-и-полем материального мира, а также между сознанием-и-подсознанием человека — указывают на существенные достижения создателей рассматриваемых нами курганов. И возникает вопрос о возглавлении этого чрезвычайно напряженного и результативного процесса познания некой интеллектуальной элитой, намного превосходившей в своем развитии носителей местных охотничьих и скотоводческих культур. Такая элита могла происходить только из земледельческого Триполья — пришлого в Приднепровье из Подунавья, а потому заинтересованного в состоянии и направлении развития своих автохтонных соседей. Проникновение «трипольцев» (или, по крайней мере, их импортов) в исследуемый район документируется находками керамики лукашевского типа (С-1) у сел Дмитровка и Григоро-Бригадировка [3, с. 86].

Действительно, нижнемихайловско-трипольская типология сосуда (рис. 62: 8) при алтаре Кормилицы показывает — подобно керамическому комплексу при святилище-1 Цегельни, — что в мифоритуале участвовали представители не одной, а нескольких археологических культур; что они сосуществовали и взаимодополняли друг друга. Именно так трактовал В. Н. Даниленко [7, с. 30-106, 153] взаимоотношения носителей среднестоговской и днепро-донецкой культур, а также открытую им «азово-черноморскую линию развития степного энеолита» — в которой предполагал зарождение «индоиранцев» (ариев). Впоследствии эти выводы были не только подтверждены, но и конкретизированы: арии оказались не «пранародом» некой монолитной культуры, а воистину общностью различных археологи-

ческих культур и стоявших за ними племён [35, с. 727-732] (рис. 64). Определение же общности культур как арийской стало возможным благодаря семиотическому раскрытию основного мифоритуала курганов – и сопоставлению его с подобным мифоритуалом, раскрытым Ф. Б. Я. Кейпером на основании анализа ведических текстов [9, с. 11-12; 10, 28-37 и др.; 31; 35, с. 612-621 и др.]. Рассмотренные выше материалы Кормилицы и Цегельни (см. ниже о её погр. 2) дают основания полагать, что мифоритуал борьбы Индры и Вишну со змием Вритрой за обладание Валой был привнесён в арийскую среду из соседнего, более развитого Триполья – насыщенного антропоморфной пластикой и орнаментикой в виде змей да яиц. А специфический обряд «сбивания нароста с правого плеча» антропоморфной стелы Л (рис. 62: Л) принадлежит к *хатто*-хетто-хурритскому кругу: мифу о возростании демона Улликумме, противника Бога-громовика Тешуба, на правом плече подводного гиганта; «корень демона» был отсечён водным же богом мудрости Эа (Энки), неоднократно упоминаемым протошумерскими письменами Каменной Могилы [11, с. 826 и др.; 13, с. 546, 662].

Специфика указанных сосуда и стелы (а также рассмотренных выше названий курганов-могил и прилегающих рек) заставляет нас снова предполагать проникновение представителей малоазийского происхождения (носителей трипольской археологической культуры) в среду своих беспокойных соседей. Целью проникновения и мифоритуального воздействия (подобно позднейшим межэтническим паломничествам гиперборейцев, по Геродоту [5, IV, 32-36]) могло быть то самое «сдерживание продвижения», которое археологи понимают как заслон «дереивцев» против экспансии «трипольцев», чья более высокая культура «катализовала становление воспроизводящих форм скотоводческо-земледельческого хозяйства левобережных племен» [20, с. 54-55]. Но вернее полагать, что носители столь высокой, оседлой культуры земледельцев сами остановили экспансию кочевой стихии скотоводов – введя в их среду своих жрецов-миссионеров, умеющих создавать межплеменные общности и управлять ими (с помощью календарных мифоритуалов, строительства курганов и проч.).

Ярчайшим примером такой катализации, но вместе с тем и миссионерства, являются основы курганов в пос. Великая Александровка (райцентр Херсонской обл.) и Высокой Могилы у соседнего с. Староселья [35, с. 681-686, 690-696] – расположенных, как и Раковка да Деревка, в Степном Правобережье. В основе Великоалександровского кургана обнаружено два кромлеха (рис. 63). Первый из них окружал погр. 24 (до)куро-аракского типа и трипольское (рубежа В-С) погр. 23; вырезанная на двух плитах кромлеха зодиакальная сцена имеет соответствия не столько в Триполье (собаки-Псы), сколько в Месопотамии (общая композиция сцены; бык-Телец с хоботообразной мордой, шес-

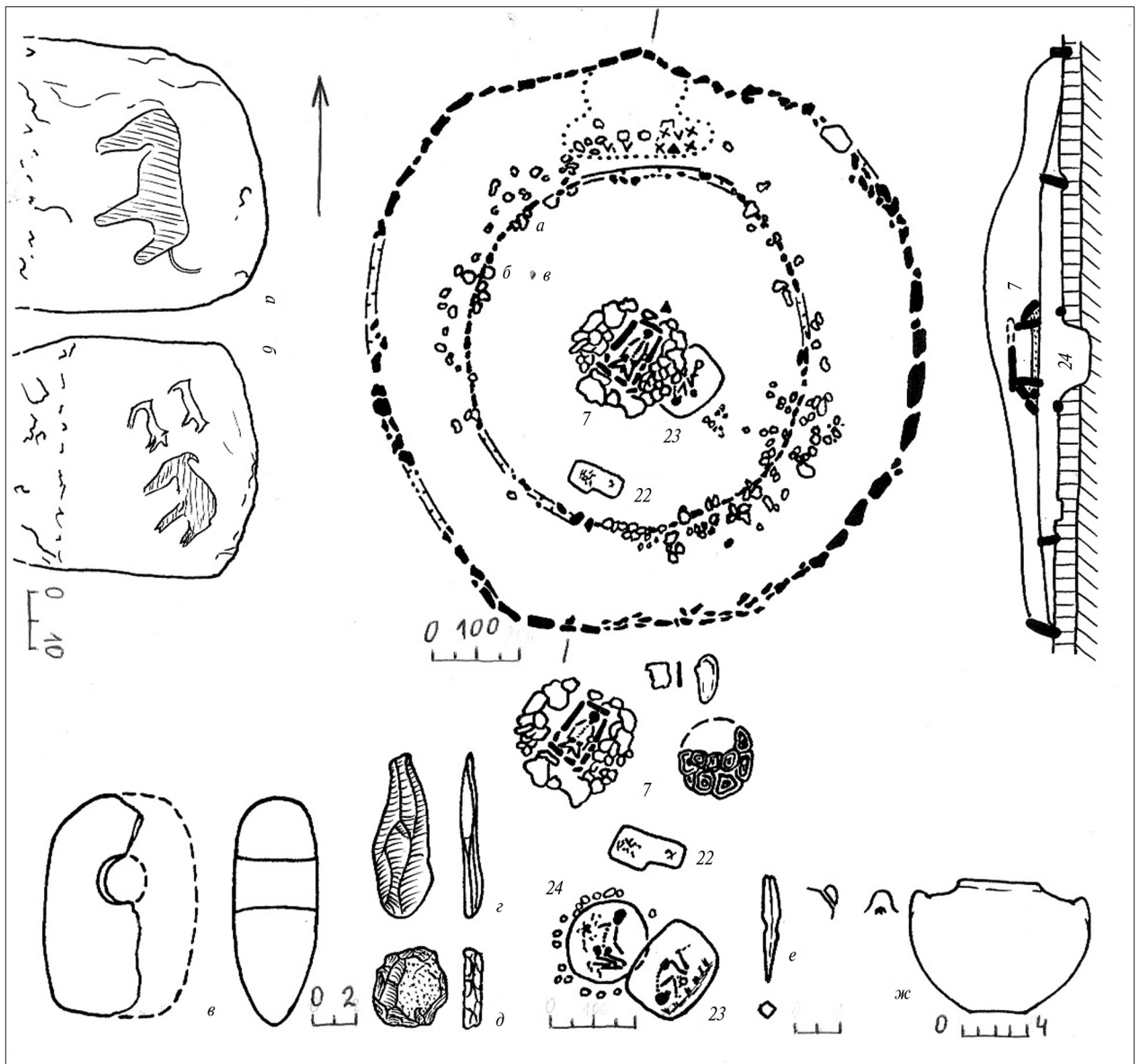

Рис. 63. Погребения 22-24 и 7, их кромлехи в основе Великоалександровского кургана. а-б – зодиакальная сцена на плитах кромлеха I (погребения 24, 23, 22); в – обломок каменной мотыги при погр. 24; кремневые (г-д), медное (е) и керамическое (ж) изделия из погр. 23; 7 – обломок сосуда, раковина и панцирь черепахи из погр. 7.

твующий за Псами, которые изгоняют вепря-Скорпиона с клювоподобной мордой). Территориально ближайшие аналоги сосредоточены в «Гроте Быка» Каменной Могилы [33], протошумерские надписи которого VII-IV тыс. до н. э. (с неоднократными упоминаниями Тельца и многих божеств) [11, с. 340-409, 489-497, 657, 668-670 и др.] являются независимым подтверждением и культурно-хронологической основы Великоалександровского кургана, и гипотезы об «азово-черноморской линии развития степного энеолита».

Эта гипотеза, суть которой сводится к пути между Трипольем и цивилизациями Месопотамии, была выдвинута В. Н. Даниленко в середине прошлого века [6]. Затем исследователь, не имея тогда выразительных (см. выше) фактов для разработки своей гипотезы, откорректировал её ограничениями: проявлений культур Месопотамии – кавказс-

кими и каспийским пограничьем, а Триполья – его кухонной посудой, основа которой «скорее всего, лежит на Востоке» [7, с. 87-92]. С ней-то и сопоставим [7, с. 88, рис. 57: 9] сосуд из основы Кормилицы (рис. 64) – исключая лишь его тесто, типичное для основной, а не кухонной (обычно с примесью измельченных раковин, как и в нижнемихайловской) трипольской керамики. Незначительные фрагменты керамики нижнемихайловского типа обнаружены внутри кромлеха погр. 7 Великоалександровского кургана – которое по этим двум признакам, типолого-стратиграфическим связям с двумя предыдущими погребениями и относительной хронологии следует отнести к «азово-черноморской линии». Туда же – по фрагментам керамики, кромлеху и каменным конструкциям, др. – относятся четыре первых погребения Высокой Могилы, по данным признакам и обряду сопоставимые с нижнемихайловскими захоронениями Цегельни. А вот следующее погр. 3 (следующее за нижнемихайловским погр. 15 в кромлехе и с позой адорации) типично для кеми-обинской культуры. Между тем гробница погр. 3, поза погребённого (скорченно на спине) и антропоморфная, с признаками Праматери, символика досыпки (прослеженная также в Цегельне и Кормилице) над ним указывают на типологическое продолжение его обрядом погр. 7 Великоалександровского кургана. Принимая в целом вывод Д. Я. Телегина [23] о генетической приемственности кеми-обинской культуры от нижнемихайловской, можно указать на подобие гробницы (т. е. на проявление кеми-обинского признака) в основе кургана № 2 у Старой Чирвовки. По древности своего возникновения он следовал, очевидно, за Цегельней, Кормилицей и среднестоговским курганом № 3 возле неё, а также курганом № 1 у Старой Чирвовки (стелообразный алтарь из основы которого сопоставим со стелами Кормилицы).

Основное погребение кургана № 3 аналогично погр. 2 Кормилицы. С ними – чьи устроители еще соприкасались со змеевидной конструкцией и стелами основы Кормилицы, но сами этот мифоритуал не восприняли – следует синхронизировать погр. 2 Цегельни. Оно тоже лишено уже каменного перекрытия и др., но еще сопряжено с последним змеевидным рвом.

Змеиная, потусторонняя семантика рва согласуется с преднамеренным заполнением его илом. Типологически две змеевидные половины рассматриваемого рва выводимы из взаиморасположения двух змеевидных рвов предшествующих святилищ Цегельни. Те тоже были обращены головами друг к другу, направленными на юго-восток относительно хвостов; головы же «змей» вокруг погр. 2 обращены на север – «в зенит».

В данном обряде фигурный ров впервые отошёл на второй план, а на первый вышло погр. 2, расположенное в центре комплекса. Его отнесение к нижнемихайловской

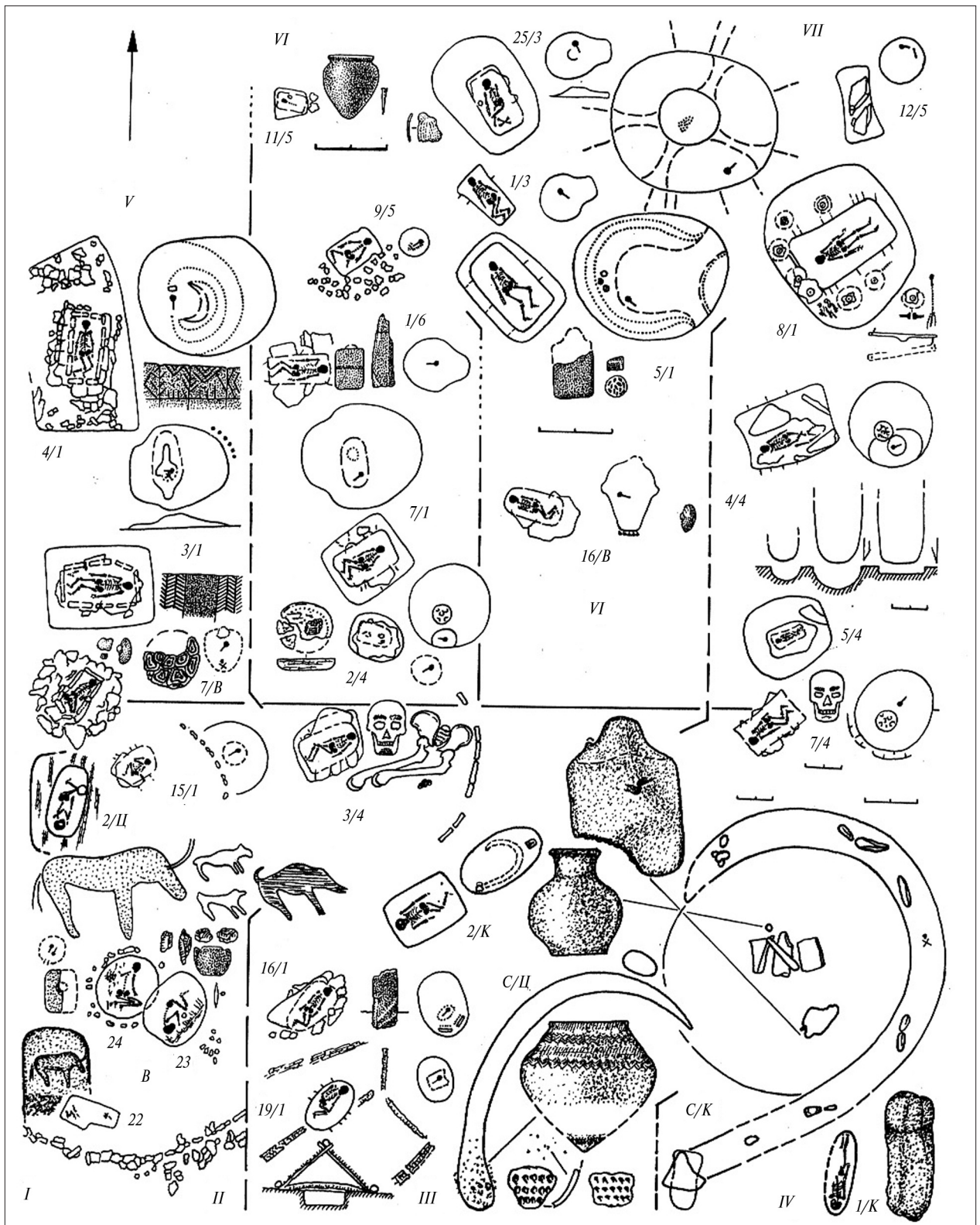

Рис. 64. Формирование (в среднестоговское время I-IV) и первичное оформление (в раннеямный период V-VII) арийской общности племен Степного Поднепрорья 3600-2250 гг. до н. э. I, II – культуры куро-аракская (B/24), нижненихмайловская и трипольская (B/23); III, IV – среднестоговская и постмариупольская (1/К); V – кеми-обинская; VI – ранне- и позднеямного типов; VII – старосельская. Погребения из курганов у с. Староселья (4/1 и т. п.), пос. Великой Александровки (B), а также из Кормилицы (К) и Цегельни (Ц).

культуре довольно условно, так как по обряду оно вполне сопоставимо с трипольским погр. 23 Великоалександровского кургана; сопоставимы также местонахождения их деревянной чаши и керамической амфорки, имеющих в ручках отверстия для подвешивания [35, рис. 8, 9, 16] (рис. 9, 63: 23; 64: В/23, 2/Ц). Овальные формы могилы и чаши у коленей погр. 2 восприняли, вероятно, семантику предыдущих «яиц». С прежними обрядами связует также кострище. Его расположение – за тазом уложенного скорченно на правом боку погребенного и напротив чаши – может быть сопоставлено с кострищем предыдущего строительного горизонта Цегельни. Там оно располагалось напротив «яйца» и слева от головы змеевидного рва. Поэтому можно предполагать, что здесь образ «змеи» жрецы воплотили в человеческий хребет, копчик которого означал её голову, а сама «змея», в таком случае, символизировала йогическую Кундалини.

Такое предположение подтверждается двумя обстоятельствами. Первое: деревянная чаша, приспособленная к ношению на поясе, донныне сохраняется в Индии как атрибут брахмана – аскета и йога. Второе: конфигурация и символика рва (две змеи с жертвенным столбом между их головами) вокруг погр. 2 вполне сопоставимы с образом «вен Пингала и Ида, порождаемых змеей Кундалини». Авторитетный вывод Ф. Б. Я. Кейпера [10, с. 137-140] о взаимопереходах образов Вритры и Кундалини, связанных с архетипами зачатия и формирования эмбриона, подтверждает сделанные выше эмпирические обобщения да выдвинутые на их основе предположения. В связи с захоронением брахмана и жертвенным столбом, по которому «поднимаются две змеи», следует сослаться и на мнение Кейпера относительно отражения двойственного образа Пингалы да Иды (уже как птиц, а не змей или вен) в ведическом «Гимне-загадке» [РВ I.164, 20-22]:

*Два орла, два связанных друг с другом товарища,
Обхватили одно и то же дерево...
Где орлы о доле в бессмертии,
О наделах, не мигая, взывают,
Там – могучий пастух всего мира...
Селятся (там), размножаются все,
На вершине его, говорят, – ягода сладкая,
До нее не доберется тот, кто не знает отца.*

Логично, что начав с разработки *архетипа-I* зачатия (т. е. основного ведического мифоритуала; рис. 61: а, б), создатели рассматриваемых курганов вышли затем на *архетип-II* формирования эмбриона и сопряженную с ним йогу (рис. 61: в). На этом можно прекратить рассмотрение основ Цегельни, Кормилицы и др., раскопанных в 1992-1993 гг. Следующий, III строительный горизонт древнейшего кургана перекрыл

погребения 3 и 4, обряд которых заставляет предполагать отношение их к нижнемихайловской и ямной культурам. К последней следует отнести и погр. 3 Кормилицы; досыпка над ним стала последней в кургане.

Памятники эпохи бронзы

Выше изложены основные ответы на вопросы, поставленные в начале заключения книги. Ответы свелись к следующим пунктам: 1) переправа и др. географические особенности района, а также 2) уникальность использования жрецами (как местными, так и связанными с Трипольем) его аномально-полевых характеристик 3) привели к зарождению здесь курганного обряда «азово-черноморской линии развития степного энеолита», 4) которая стимулировала распространение данного обряда вместе с переходом от среднестоговской к ямной культурно-исторической общности; 5) зарождение курганов оказалось сопряжено с зарождением же арийских Вед, а значит и 6) арийской («индо-иранской») ветви индоевропейской общности племен с их языками и проч. Обобщая эти пункты, можно выдвинуть версию (которая становится гипотезой и теорией по мере привлечения иных артефактов — за рамками публикации наших раскопок): коль скоро первоисточник и ведических образов древнейших курганов, и общности ариев с начальным импульсом от «азово-черноморской линии» обнаруживается в Триполье, то его «доиндоевропейскую принадлежность» (Ю. Л. Мосенкис) следует понимать как праиндоевропейскую (не отделявшуюся В. Н. Даниленко от индоевропейства Триполья и родственных культур малоазийско-балканского происхождения [7, с. 149-151 и др.]).

Переходим к продолжению исторического очерка, вытекающему из последующих археологических материалов исследованных нами курганов.

Носители ямной культуры в какой-то мере продолжили, но и видоизменили сложившиеся ранее традиции как в двух основных, так и в окрестных курганах. Вспомним, что древнейший из последних, № 3 группы Кормилицы, был сооружен над среднестоговским захоронением (рис. 27: 2). Расположение данного кургана не на мысу, а в пойме подчеркивает некий рубеж при переходе к ямной культуре — ко времени которого относились и два кургана у Старой Чирвовки. Они (как и третий; вероятно, срубного времени) носили не погребальный, а культовый характер. Яйцеобразную стелу и подобие гробницы в основе курганов № 1 и № 2 (рис. 54, 56) можно рассматривать как реминисценции

алтаря Кормилицы, который отразил ведический мифоритуал Валы – «новогоднего зародыша Мироздания». Расположение их (и кургана № 3) на низких пойменных дюнах могло подчеркивать семантику «Зародыша» во время половодий – на время скрывавших, частично или же полностью, эти сооружения под водой; затем они постепенно проявлялись как символы обновления мира.

В конструкции досыпки (IV строительный горизонт) Цегельни над погр. 5 позднего периода прослежен довольно новый и притом выразительный мифоритуал «Праматери сущего». Антропоморфная фигура была обращена головой на юг, её груди отмечены двумя зернотерками, а чрево – основанием каменной стелы (верх которой был, вероятно, ритуально отломан). Лоно отметили кенотафной могилой, столб над краем которой символизировал, вероятно (как и в основном погр.1), зачатие некоего прашура. Реминисценции данного мифоритуала прослеживаются в последующих 8-образных очертаниях досыпок Цегельни и Кормилицы, а также их культовых ям. Обращает на себя внимание двойной уступ над могильной ямой погр. 7, два перекрытия которого сделаны были весьма непрочными. Обряд предполагал, вероятно, обширный провал и образование воронки на поверхности досыпки (VI строительный горизонт) – что, в совокупности с женоподобной символикой последней, могло означать «возрождение погребенного». Таким образом материалы строительных горизонтов IV-VI Цегельни приводят к версии об отработке их создателями *архетипа-III* – «(воз)рождения» (Матерью-Землей эмбрионально скорченных погребенных; *рис. 5*). Два остальных архетипа (*рис. 5, 62: 3*) – сопряженные с продолговатыми (8-образными) конструкциями и парными ямами – тут не рассматриваются (ввиду сложности доказательства на столь ограниченном фактаже). Отметим лишь, что они сопряжены уже не с вещественными, а с полевыми проявлениями человеческого (и др.) организма [36, с. 14 и др.; 37, с. 629–630].

Исследовать исторический процесс катакомбного времени по рассматриваемым курганам (раскопанным в 1992–1993 гг.) представляется невозможным (чего не скажешь о материалах Стовбуватой Могилы, исследованной А. Б. Супруненко в 2004 г.). Можно приводить лишь отдельные археологические факты того процесса: единственное погребение катакомбной культуры (*рис. 18*) и несколько – ингульской (*рис. 19–21, 39–40*); все они невыразительны, впущены в два основных кургана и досыпки над ними не выявлены. Создается впечатление об инородности этих памятников, пришлые создатели которых прервали и без того угасающую древнюю традицию. Однако строение катакомбных могил – даже по очертаниям подобных ранее возникшей 8-образности Цегельни – позволяет предположить наличие в них соответствующей семантики.

С началом культуры многоваликовой керамики (КМК) традиция словно воспрянула – в новом виде и качестве. Случайно или нет, но захоронения в Цегельне и начались, и завершились кенотафами – пустыми могилами (постмарипольское погр. 1 и погр. 14 КМК). В Кормилице и соседнем кургане №2 культура многоваликовой керамики представлена шире и в генетической связи с местной ямной культурой. Такая связь обнаруживается в двух разнокультурных погребениях 3 и 6, подобных положениями и ориентировками покойников (рис. 27: 3, 6). Сильно согбенный скелет пожилого мужчины погр. 6 был преднамеренно лишён кистей и нижней челюсти. Перекрывание его лица грудинкой мелкого парнокопытного могло означать «приобщение покойника Пушаном, козлоподобным (с выбитой челюстью, кстати) «знатоком счастливых путей», к потустороннему миру» [13, т. 2, с. 353-354]; лопатка того же животного, уложенная перед лбом погребённого, могла служить ему для шаманских камланий. Лопатка животного, но крупного, символизировала сердце антропоморфной ямы I (КМК?) кургана №2. Чрево – женоподобной, вероятно, фигуры – в виде чашевидного углубления было «оплодотворено» огнём и водой, раковиной (рис. 44). Данная культовая яма положила начало подобным, соорудившимся здесь на протяжении всего срубного времени. В кургане №2 их было пять, причём обломок человеческой челюсти из ямы V указывает на некую связь с вышерассмотренным погр. 6 из Кормилицы.

В конце своего бытования соседствовавшие курганы №2 и Кормилица были объединены в антропоморфную фигуру (рис. 62: 3). Её символика «Праматери» (ведических Притхиви или же Адити), проявившейся в IV-VI строительных горизонтах Цегельни ещё во времена ямной культуры, тоже была подёркнута имитацией грудей – парой культовых ям. Они были освящены «огнём и водой». Свидетельством последней является находка в восточной яме половины сосуда, типичного для срубной культуры. Сопровождавший его обломок нижней челюсти (с вынутыми зубами) крупного животного подчёркивает связь с культовыми ямами I и V кургана №2, а также с погр. 6 Кормилицы.

В комплексах срубного времени заметно подытоживание местными жителями традиции предков; такое явление прослежено также в курганах у Староселья [35, с. 695-696, 727-732]. Цегельня и Кормилица начались с парных углублений среднестоговского времени, сконцентрированных в голове Змия (Вритры) и в охраняемом им Прайяце (Вале); в мифоритуалах присутствовали также огонь, жидкость или др. в сосудах, камни, дерево и т. п., жертвенные существа. Всё это словно реанимируется в завершающих, срубного времени, парах культовых ям этих курганов и кургана №2 у Старой Чирвовки. Округлый камень из культовой ямы IV и обломок гранитной зернотерки возле неё можно рас-

смагивать как известные уже нам «зародыши» – но теперь срубной культуры (на что указывает найденный рядом с зернотеркой фрагмент лепного сосуда баночной формы). В указанных парах ям прослеживается семантика двух положений «Небесной бадьи» индоарийских Вед [10, с. 156-162; 30], отношение к которым отмечено А. Т. Синюком [19, с. 95-173] при исследовании аналогичных пар ям в Павловском могильнике на Среднем Дону. Эта «Бадья» донине (в брахманских учениях и мистериях Индии) снимает противоречие бытия-и-небытия. Праотцы наполняют её 'жизненными силами' потустороннего мира, жрецы своими молитвами поднимают её на небеса – откуда Боги, опрокинув бадью, изливают те силы (*асуры*: влагу, тепло, свет) во благо живущих людей. В нашем случае необходимо указать на изначальную связь парных углублений с мантийными каналами Цегельни, Кормилицы, Стовбуватой Могилы. Геологи выделяют в этих каналах пары из идущего от Солнца к центру Земли (и др. планет) и отраженного в обратном направлении.

Впускные захоронения XIII-XX вв.

рассматривать в данном Заключении нецелесообразно – ввиду их малочисленности (два золотоордынских погребения рубежа XIII-XIV вв., впущенных с вершин Цегельни и кургана № 3 возле Кормилицы [12]) и отсутствия культурно-хронологической преемственности (особенно – для кладбищ казаков и крестьян XVIII-XX вв.) от рассмотренных выше памятников. К данному вопросу целесообразно обратиться при публикации материалов раскопок 2003-2005 гг. под руководством А. Б. Супруненко и И. Н. Кулатовой.

* * *

Последние строки Заключения – *благодарность участникам и содействовавшим экспедиции*: начальнику Лаборатории охранных археологических исследований при Министерстве культуры Украины Н. М. Шаглию; моему заместителю П. В. Шкляру; генеральному директору Полтавского горно-обогатительного комбината В. П. Мартыненко;

заведующему музеем ПГОК Н. П. Стахиву; краеведам С. А. Еремееву и И. Н. Власюку; Б. С. Опришко и другим бульдозеристам рудоуправления ПГОК. *Вечная память погибшим во время и после исследований*: Борису Сергеевичу Опришко (г. Комсомольск) и Саше Пархоменко (с. Потоки).

Литература

1. **Акимов А. Е., Шипов Г. И.** Сознание, физика торсионных полей и торсионные технологии // Сознание и физическая реальность. – М., 1996, № 1-2. – С. 66-72.
2. **Бенько Н. П., Журавель В. Н., Квасница В. Д., Стахив Н. П.** Полтавская магнитка. – Комсомольск: «ГОК-принт», АП «Днепропетровская книжная типография», 2000. – 144 с.
3. **Білоусько О. А., Супруненко О. Б.** Давня історія Полтавщини (XX тисячоліття до н. е. – V століття): Підручник для 6 кл. загальноосвіт. школи. – Полтава: «Оріяна», 2004. – 168 с.
4. **Воропай О.** Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис, 2 т. – Мюнхен, 1958, 1966; К.: Оберіг, 1991. – 456 с., 448 с.
5. **Геродот.** История // Пер. и ком. Стратановского Г. А. – Ленинград: Наука, 1972. – 600 с.
6. **Даниленко В. Н.** О ранних звеньях развития степных восточно-европейских культур шнуровой керамики // КСИА АН УССР, вып. 4. – К.: Вид-во АН УРСР, 1955. – С. 126-128.
7. **Даниленко В. Н.** Энеолит Украины. – К.: Наук. думка, 1974. – 176 с.
8. **Даниленко В. Н.** Космогония первобытного общества // Даниленко В. Н., Шилов Ю. А. Начала цивилизации. – Екатеринбург–М.: Деловая книга, Раритет, 1999. – С. 3-216.
9. **Елизаренкова Т. Я.** Ф.Б.Я.Кейпер: основные направления научного творчества // Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – С. 7-27.
10. **Кейпер Ф. Б. Я.** Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 196 с.
11. **Кифишин А. Г.** Древнее святилище Каменная Могила. Опыт дешифровки протошумерского архива XII-III тысячелетий до н. э. – К.: Аратта, 2001. – 846 с.
12. **Мироненко К. М., Шилов Ю. О.** Золотоординські поховання на Кременчуччині // Археологічний літопис Лівобережної України. – Полтава: ВЦ «Археологія», 2003. – № 2. – С. 105-109.
13. **Мифы народов мира**, 2 т. // Гл. ред. Токарев С. А. – М.: Сов. Энци., 1991, 1992. – 672 с., 720 с.
14. **Михайлов Б. Д.** Петроглифы Каменной Могилы. – Запорожье–М.: «Дикое Поле», Ин-т общегуман. исслед., 1999. – 238 с.
15. **Мосенкіс Ю. Л.** Трипільський прасловник української мови. – К.: НДІТІАМ, 2001. – 80 с.
16. **Ригведа**, 3 т. // Пер. и ком. Елизаренкова Т. Я. – М.: Наука, 1989 (I-IV, 1999 (V-VIII), 1999 (IX-X)). – 768 с., 744 с., 560 с.
17. **Руденко М. Д.** Гносис і сучасність (Архітектура Всесвіту). – Тернопіль: Джура, 2001. – 248 с.
18. **Рыбаков Б. А.** Вступление // Кикешев Н. И. Воззвание к славянам. – М.: Всеслав. Собор, 1998. – С. 3-4.
19. **Синюк А. Т.** Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж: ВГУ, 1983. – 192 с.

19. **Синюк А. Т.** Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. – 192 с.
20. **Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Мироненко К. М., Кракало І. В., Тітков О. В.** Старожитності Кременчука. Археологічні пам'ятки території та округи міста. – Полтава – Кременчук: ВЦ «Археологія», ред. часопису «Автограф», 2004. – 160 с.
21. **Супруненко О. Б., Кулатова І. М., Мироненко К. М., Артем'єв А. В., Маєвська С. В.** Старожитності околиць Комсомольська. Частина І. – Київ–Полтава: Вид-во «АСМІ», 2005. – 140 с.
22. **Супруненко О. Б.** Кургани між сс. Дуканичі та Солонці на Нижньому Пслі. – Старожитності околиць Комсомольська. Частина ІV. – К.-Полтава: Вид-во «Гротеск», ВЦ «Археологія», 2006. – 128 с.
23. **Телегін Д. Я.** Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія, вип. 4. – К.: Наук. думка, 1971. – С. 3-17.
24. **Ткаченко О. С.** Триединство // Русская мысль. – М.: Общ. польза, 1993, № 3-12. – С. 90-100.
25. **Трубачев О. Н.** К прародине ариев (По поводу выхода книги: Ю. А. Шилов. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев, 1995) // Вопросы языкознания. – М.: «Наука», 1996, №3. – С. 3-12.
26. **Трубачев О. Н.** Indoagica в Северном Причерноморье. – М.: «Наука», 1999. – 320 с.
27. **Трубачев О. Н.** Труды по этимологии: Слово. История. Культура. 2 т. – М.: «Языки слав. культуры», 2004. 2005. – 800 с., 664 с.
28. **Фадеева Т. М.** Крым в сакральном пространстве. – Симферополь: Таврия, 2002. – 304 с.
29. **Фурдуй Р. С.** Прелесть тайны-2: Космический перекресток. – К.: Либідь, 2001. – 472 с.
30. **Чмихов М. О., Шилов Ю. О., Корнієнко П. Л.** Археологічні дослідження курганів. – К.: УМК ВО, 1989. – 218 с.
31. **Шилов Ю. А.** Древнейшие курганы и мифотворчество // Македонски фолклор. Год. XX, бр. 39-40. – Скопје: Ин-т за фолклор «Марко Цепенков», 1987. – С. 45-61.
32. **Шилов Ю. А.** О перспективах исследования степных курганов // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: ОГУ, 1987. – С. 113-116.
33. **Шилов Ю. А.** «Грот Быка» по материалам древнейших курганов // Новые памятники ямной культуры степной зоны Украины. – К.: Наук. думка, 1988. – С. 3-14.
34. **Шилов Ю. А.** «Небесная бадья» в курганах арийской прародины // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: ОГУ, 1992. – С. 30-32.
35. **Шилов Ю. А.** Прародина ариев: История, обряды и мифы. – К.: «СИНТО», 1995. – 743 с.
36. **Шилов Ю. А.** О начале формирования ноосферы : в свете трудов Вернадского и Рерихов // Стратегія ноосферної освіти. Імідж сучасного педагога. – Полтава: ТОВ «АСМІ», 2003, 5-6. – С. 12-15.
37. **Шилов Ю. А.** Истоки славянской цивилизации. – К.: МАУП, 2004. – 701 с.
38. **Шилов Ю. А.** Край ушедших лет. – К.: Арата, 2004. – 234 с.
39. **Шилов Ю. А.** Что БОГ дал. – К.: Арата, 2005. – 208 с.
40. **Шилов Ю. О.** Новый этап археологического освоения курганів енеоліту – бронзи Південно-Східної Європи // Археологія. – К.: Наук. думка, 1992, №4. – С. 111-121.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	5
Курганы у Комсомольска (раскопки 1992-1993 гг.).....	9
Цегельня.....	9
Кормилица (курган №1) и близлежащие курганы.....	26
Курган №2.....	37
Курган №3.....	39
Курганы возле Старой Червовки	44
Курган №1	44
Курган №2.....	45
Курган №3.....	47
Заключение	49

Наукове видання

Юрій Олексійович ШИЛОВ

КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ ОКРЕСТНОСТЕЙ КОМСОМОЛЬСКА

Технічний редактор *С. В. Хорєв*

Художник *Т. М. Варвянська*

Коректор *Ю. О. Шилов*

Комп'ютерний набір *Ю. О. Шилова*

Комп'ютерна верстка *С. В. Хорєва*

Мова російська

Здано в набір 10.02.2005. Підписано до друку 25.08.2007.

Формат 60x84/8. Папір офсетний. Гарнітура NewtonС. Друк офсетний.

Ум. друк. арк. 8,37. Ум. фарб.-відб. 8,60. Обл.-вид. арк. 4,5.

Тираж 305 прим.

Виготівник видавниче агентство "Дивосвіт".

36000, Полтава, вул. Жовтнева, 37.

Тел. (0532) 50-65-63, тел./факс (05322) 7-33-60.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 866 від 22.03.02.

Ю.А. Шилов

**КУРГАННЫЕ
ДРЕВНОСТИ
ОКРЕСТНОСТЕЙ
КОМСОМОЛЬСКА**

